

ЗАПИСКИ ПРЕОСВЯЩЕННАГО НИКОДИМА, ЕПИСКОПА ЕНИСЕЙСКАГО И КРАСНОЯРСКАГО.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Значительная половина первой части «Записокъ» преосвященнаго Никодима, въ которой онъ описываетъ свою жизнь до окончанія ученія въ Московской Духовной Академіи, была напечатана въ *Богословскомъ Вѣстникѣ* за 1910 г. А окончаніе этой первой части, съ описаніемъ начала служенія преосвященнаго Никодима въ должности инспектора въ Тульской семинаріи, мной было помѣщено на страницахъ *Тульскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей* за 1911 годъ. Приступая теперь къ печатанію второй части «Записокъ» въ *Душеполезномъ Читаніи*, я считаю необходимымъ сказать нѣсколько словъ объ этихъ «Запискахъ» и авторѣ ихъ.

Преосвященнѣйшій епископъ Никодимъ родился въ 1803 году 5 сентября въ селѣ Комлевѣ, Рузскаго уѣзда, Московской губ., отъ дьячка Ив. Ив. Казанцева. Воспитывался сперва въ Звенигородскомъ духовномъ училищѣ, потомъ въ Виѣанской семинаріи. Въ Московскую академію поступилъ въ 1826 году и кончилъ курсъ въ 1830 году, 5-мъ магистромъ. Въ 1829 году 31 марта, будучи уже старшимъ студентомъ, постриженъ былъ въ монашество; 5-го іюля посвященъ въ іеродіакона; чрезъ годъ рукоположенъ былъ владыкою Филаретомъ, митрополитомъ Московскимъ, во іеромонаха. По окончаніи курса въ 1830 году, опре-

дѣленъ былъ инспекторомъ Тульской семинаріи, вторымъ профессоромъ богословія и обучающимъ еврейскому языку. Въ 1832 году переведенъ въ Новгородскую семинарію инспекторомъ же и профессоромъ философіи. Въ 1835 г., 17 апрѣля посвященъ былъ въ архимандрита, опредѣленъ ректоромъ Вятской семинаріи и настоятелемъ Вятскаго Успенскаго Трифонова монастыря.

Въ 1837 году, по предложенію оберъ-прокурора, коммисія духовныхъ училищъ предписала всѣмъ ректорамъ написать свободно, по разумѣнію cadaго, богословскій конспектъ. Поданный конспектъ отъ покойнаго преосвященнаго владыкою Филаретомъ, митрополитомъ Московскимъ, былъ одобренъ, и объ авторѣ его дано было мнѣніе въ тогдашнюю коммисію духовныхъ училищъ столь для него выгодное и интересное, что онъ поставленъ былъ выше и бойчѣ прочихъ ректоровъ того времени. Это было причиною вызова, по высочайшему повелѣнію, преосвященнаго Никодима въ Петербургъ, въ распоряженіе г. прокурора, для занятій по преобразованію духовнаго ученія и управленія. Въ распоряженіяхъ г. оберъ-прокурора находился съ 15 іюня 1838 года по 1 іюля 1839 года. Оставаясь частію въ распоряженіяхъ г. оберъ-прокурора, Святѣйшимъ Синодомъ опредѣленъ на чреду священнослуженія и проповѣди слова Божія, каковую службу продолжалъ два года. Затѣмъ опредѣленъ былъ ректоромъ въ Херсонскую семинарію, что въ г. Одессѣ, и настоятелемъ Одесскаго Успенскаго монастыря, куда прибылъ 5-го октября 1841 года. Въ 1845 году перемѣщенъ былъ въ Курскую семинарію, что въ г. Бѣлгородѣ, ректоромъ же и настоятелемъ Рыльскаго Николаевскаго монастыря. Въ 1850 году переведенъ ректоромъ же въ Ярославскую семинарію съ назначеніемъ въ управленіе Ростовскаго Богоявленскаго Аврааміева монастыря. Въ 1854 году указомъ Св. Синода былъ вторично вызванъ въ С.-Петербургъ для исправленія чреды священнослуженія и проповѣди слова Божія. Въ этомъ же году 29 января Св. Си-

нодомъ избранъ и 30-го высочайше утвержденъ въ епископа Чебоксарскаго, викарія Казанской епархіи. Во епископа хиротонисанъ 14-го февраля того же 1854 года С.-Петербургскимъ митрополитомъ Никаноромъ въ соучастіи пяти архіереевъ. Въ Казань прибылъ 21-го марта и водворился въ Спасо-Преображенскомъ монастырѣ, гдѣ и прожилъ почти семь лѣтъ до 1861 года, при двухъ архіепископахъ Казанскихъ, Григоріи и Аѳанасіи. Въ 1859 году, по распоряженію Св. Синода, въ теченіе десяти мѣсяцевъ, управлялъ Вятскою епархіею по случаю отбытія въ Синодъ Елпидифора, епископа Вятскаго. Наконецъ, въ 1861 году по высочайшему повелѣнію на докладъ Св. Синода назначенъ въ новооткрытую Енисейскую епархію епископомъ, съ помѣщеніемъ архіерейской кафедры въ г. Красноярскъ, куда покойный преосвященный прибылъ 5-го января 1862 года. Въ это жестокое морозами время, ѣхавши почти всегда день и ночь, преосвященный получилъ страшный ревматизмъ, который мучилъ его во все остальное время жизни его. Въ 1870 году, согласно прошенію, по разстроенному здоровью, высочайше уволенъ отъ правленія епархіею съ дозволеніемъ помѣститься въ одномъ изъ монастырей Московской епархіи по соглашенію съ митрополитомъ Московскимъ. Таковымъ монастыремъ избранъ Перервинскій Николаевскій монастырь, въ окрестностяхъ Москвы, куда преосвященный прибылъ въ первыхъ числахъ августа 1870 года и гдѣ жилъ на покой до послѣдняго времени, никуда, кромѣ Москвы, и то изрѣдка, не выѣзжая. 19-го мая сего года преосвященный совершенно неожиданно, по крайней мѣрѣ безъ всякаго предупрежденія, пріѣхалъ въ Дмитровъ и хотѣлъ было на свободномъ воздухѣ, въ кругу родныхъ, полечиться. Но водянка, развившаяся до послѣднихъ предѣловъ, въ соединеніи съ болѣзнію ноги, до того изнурили слабыя силы его, что не было никакой возможности поддержать здоровье его, что хорошо сознавалъ и самъ покойный преосвященный, хотя докторъ, по приглашенію его, и навѣ-

щать почти каждый день.—За 2½ часа до смерти своей преосвященный приобщился самъ по себѣ св. Христовыхъ Таинъ, которыя принесены были къ нему изъ соборной церкви, послѣ литургіи, въ спокойномъ духѣ выслушалъ благодарственные молитвы, пропѣлъ, впрочемъ едва слышно, нѣсколько стиховъ изъ псалма и чрезъ 1½ часа, восхваливъ и прославивъ Бога, тихо и покойно предалъ Ему духъ свой.

Состоянія послѣ себя покойный преосвященный, при своей ангельской добротѣ и простотѣ сердца, не оставилъ почти никакого, кромѣ богатой библіотеки, содержащей въ себѣ очень много его собственныхъ рукописныхъ сочиненій. Всѣ сочиненія его, равно и книги, завѣщаны въ библіотеку Красноярскаго кафедральнаго собора.

Таковъ былъ преосвященный Никодимъ, судя по некрологу его, напечатанному въ *Ярославскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ* (1874 г., № 33) о. Михаиломъ Добросравовымъ, составленному имъ на основаніи формуляра и отчасти «Записокъ» покойнаго.

«Записки» преосвященнаго Никодима, находящіяся въ моей библіотекѣ, составляютъ семь томовъ. Онѣ представляютъ собою дневникъ, куда преосвященный записывалъ все видѣнное, слышанное и пережитое имъ. Онѣ полны глубокаго интереса для любителей старины, особенно же для историковъ семинарій, въ которыхъ служилъ покойный; а также для тѣхъ, кто занимается бытописаніемъ нравовъ духовенства минувшей эпохи. Въ нихъ же, кромѣ матеріаловъ, имѣющихъ личный характеръ, встрѣчаются мѣста, цѣлыя страницы, очень интересныя и для большой публики. «Записки» проливаютъ яркій свѣтъ на внутреннюю жизнь нашего духовенства, въ особенности ученаго духовенства, и изображаютъ дѣятелей духовнаго просвѣщенія и состояніе учебныхъ заведеній, въ томъ незавидномъ положеніи, въ какомъ они были три четверти вѣка тому назадъ.

Въ своихъ «Запискахъ» преосвященный Никодимъ на-

сается и событій государственной и общественной жизни, поскольку они имѣли такое или иное отношеніе къ духовной средѣ. Въ этихъ случаяхъ онъ высказываетъ всюду довольно правильный взглядъ на вещи и дѣла и даетъ вѣрную оцѣнку событій и характеристику людей, которыхъ онъ зналъ и съ которыми ему, по необходимости и по своему служебному положенію, приходилось сталкиваться.

Что касается самого автора «Записокъ», то изъ нихъ видно, что это была далеко незаурядная личность, обладавшая большими способностями, которымъ, къ сожалѣнію, такъ и не суждено было проявиться въ полной мѣрѣ и найдти себѣ должное примѣненіе. Конечно, не легко на основаніи однихъ только мемуаровъ нарисовать полный образъ достойнаго лучшей участи духовнаго дѣятеля, во все же «Записки» даютъ достаточно данныхъ, которые рисуютъ личность преосвященнаго Никодима довольно рельефно. Человѣкъ крайне болѣзненный, впечатлительный, нервный, мнительный, гдѣ бы онъ ни былъ тосковавшій по своей родинѣ и въ своемъ одиночествѣ только и думавшій о своихъ родныхъ, онъ не могъ подолгу оставаться на мѣстахъ своего служенія и часто мѣнялъ ихъ. Достаточно сказать, что преосвященный Никодимъ дважды былъ инспекторомъ Тульской семинаріи и почти двадцать лѣтъ служилъ ректоромъ въ другихъ городахъ. Во время своей продолжительной службы, ему, вслѣдствіе его нервнаго, неподатливаго характера, приходилось имѣть серьезныя столкновенія не только съ обыкновенными смертными, но и со столпами высшей духовной іерархіи. Такъ одинъ изъ его біографовъ, архимандритъ Григорій Воиновъ, говоритъ, что преосвященный Никодимъ рѣзко отзывался о нѣкоторыхъ высокопоставленныхъ іерархахъ, почему служба его, въ смыслѣ движенія впередъ, была, можно сказать, очень неудачна. Занятіемъ вновь открывшейся, отдаленной Енисейской епископской катедры и закончились служебныя скитанія автора «Записокъ».

Преосвященный Никодимъ скончался 11 іюня 1874 г.,

въ 2 часа дня, въ Дмитровѣ, въ домѣ своего зятя, протоіерея Георгія Кирилловича Добронравова, на рукахъ своей сестры Маріи Ивановны, жены протоіерея. Погребеніе было совершено преосвященнымъ Леонидомъ, епископомъ Дмитровскимъ въ Дмитровскомъ Успенскомъ соборѣ, гдѣ тѣло покойнаго погребено въ придѣлѣ св. Митрофана Воронежскаго.

Ан. Титовъ.

Ростовъ Великій.

ЧАСТЬ II.

Изъ Тулы я выѣхалъ 15 мая 1832 года въ воскресенье. Меня провожала вся семинарія и ректоръ о. Стефанъ за Тулу до рощи. Тутъ мы простились. Я плакалъ, не знаю о чемъ.

Я ѣхалъ съ матушкой. Она у меня въ то время гостила. Время было прекрасное; дни теплые, ясные. Но я былъ чуть живой!

Приѣхали въ Москву 17-го числа около полудня.

Проѣзжая Москвой отъ Серпуховскихъ воротъ до Новой слободы (гдѣ мой дядюшка), всего верстъ восемь, я испекся солнцемъ: оно мнѣ было почти въ глаза. Притомъ, изъ любопытства, я не могъ сидѣть въ кибиткѣ, сидѣлъ ва облучкѣ.

У дядюшки уже собрались на встрѣчу меня: батюшка съ сестрой Машей, братъ Михайла Ивановичъ (еще свѣтскій), Иванъ Сергѣевичъ съ женой (мои двоюродные).

Меня встрѣтили съ восторгомъ и слезами. Они видѣли въ моемъ перемѣщеніи небольшое повышеніе. Вечеромъ мы отправились въ приходъ къ Спасу въ Наливки, къ діакону, за котораго отдана Аянушка, дочь дядюшки Николая. Тутъ мнѣ тоже весьма рады. Здѣсь мнѣ сдѣлалось весьма дурно.

Холера!—подумалъ я,—и померкъ душою.

Меня стали лѣчить какими-то каплями. Я боюсь. Разговариваютъ, веселятъ—я пониже!

Ночью мы воротились въ Новую Слободу. Слава Богу, ночь провелъ я порядочно.

На другой день (это была среда предъ Вознесеніемъ), матушка будила меня къ заутренѣ. Я не пошелъ отъ немощи. Матушка досадовала. Въ Вознесеніе я пошелъ въ Московскую семинарію. Стоялъ обѣдню въ алтарѣ. Ректоръ Виталій съ инспекторомъ Іосифомъ ¹⁾ служили.

Послѣ обѣдни къ ректору. Къ нему пришла какая-то графиня, старушка съ двумя дочками: одна вдова лѣтъ 30, другая дѣвица лѣтъ 26.

Вдова, разговаривая съ отцомъ ректоромъ и защищая театръ, вдругъ пришла въ какое-то изступленіе: взвизнула, вскочила, начала выражать столь обаятельныя нѣжности, что я стыдился. Вдова еще молода и весьма красива.

Дѣвица разговаривала съ нами (съ инспекторами).

Помню я сказалъ ей: «Вамъ пора замужъ!» — Она: «Помилуйте! мнѣ всего двадцать шесть лѣтъ. Къ чему спѣшить? Надобно порадоваться дѣвицею». (Это, по моему, значить любезничать и мучить себя и мужчинъ). Еще она жаловалась намъ, что маменька къ ней строга, даетъ ей на туалетъ всего тысячу рублей въ мѣсяцъ. Не знаю, если она не шутила, то я дивлюсь безумію матери. На что дѣвушка, живущей въ домѣ матери, тысяча рублей въ мѣсяцъ?

Удивили меня эти гости. А мать между тѣмъ считается весьма благочестивою, весьма часто ѣздитъ въ церковь.

Отецъ ректоръ оставилъ меня у себя обѣдать, былъ весьма ласковъ, утѣшалъ меня.

Онъ—тульскій ²⁾. Сынъ одного протоіерея въ Одоевѣ.

¹⁾ Іосифъ Богословскій—1842 Еп. Дмитровскій, 1849 Оренбургскій, 1853 Воронежскій, 1860 г. Архіепископъ. Уволенъ на покой въ митроф. мон.; ослѣпъ.... сконч. 1892 г.

А. Т.

²⁾ Виталій Щепетевъ—магистръ V курса Спб. акад., ректоръ моск. акад.: 1833 Спб. ак., 1837 г. Еп. Дмитровскій, 1842 Костромской, 1846 уволенъ на покой съ назначеніемъ присутствовать въ Моск. Синод. конт. Скончался 1846 г.

А. Т.

Его сестра за профессоромъ въ Тулѣ, моимъ товарищемъ. (Иванъ Михайловичъ Смирновъ).

На память святителя Алексѣя (20 числа) я былъ въ Чудовѣ монастырѣ. Литургію служилъ викарій Николай ¹⁾ (нынѣ Калужскій), чуть живой. Говорилъ проповѣдь.

Чудакакъ! Онъ былъ ректоромъ въ Иркутскѣ и настоятелемъ монастыря, гдѣ почиваетъ святитель Иннокентій Иркутскій. Тамъ онъ говаривалъ проповѣди на день сего угодника. Здѣсь въ Москвѣ онъ, вѣроятно, сказалъ иркутскую проповѣдь, потому что въ обращеніи къ Угоднику называлъ его: «Святителю Иннокентіе!» «Это было конфузно. Ему говорятъ: «Алексіе!»—Нѣтъ опять: «Иннокентіе»!

Онъ меня тутъ же позвалъ на чашку чаю. Спрашивалъ, давно ли въ Москвѣ и скоро ли поѣду. Убѣждалъ меня ѣхать немедленно. Тутъ же съ негодованіемъ рассказывалъ, что мой будущій ректоръ Новгородскій ²⁾, почти въ одно время пробѣжавшій чрезъ Москву изъ Бѣлгорода, втерся къ нему на квартиру, тогда какъ въ Москвѣ есть семинарія и при томъ десять монастырей.

Стоявши обѣдню въ дверяхъ (изъ одного алтаря въ другой), я почувствовалъ сильный ознобъ: меня продулъ сквозной вѣтеръ. Зашелъ къ ризничему. Меня проняла лихорадка. Спасибо, стаканомъ крѣпкаго пунша спасся.

Однако, лежа у отца ректора подъ шубой, я горько проплакалъ, воображая, что я съ такимъ ничтожнымъ здоровьемъ долженъ буду ѣхать на должность на чужбину.

Былъ на митрополичьемъ подворьѣ: обошелъ всѣ его комнаты.

Въ Москвѣ я прожилъ до 25 числа, частью по немощамъ, а больше дожидаясь митрополита. (Онъ еще не

¹⁾ Соколовъ... убитъ въ экипажѣ отъ быстрой ѣзды въ объѣздъ по епархіи въ 1851 г. 17 сентября; былъ ректоромъ Тамбовской семинаріи, 1831 еп. Дмитровск., 1834 Калужск.

²⁾ Израиль, нетрезвый, давно покойникъ.

пріѣхалъ изъ Петербурга). Однако не могъ дожидаться въ около полудня 25-го отправился въ путь со слезами и тайной тоской.

Меня родные провожали до роши, что у Петровскаго дворца. Тутъ въ рошѣ мы чего-то выпили. Иванъ Сергѣевичъ (онъ уже скончался, царство ему небесное!) меня просилъ возлагать во всемъ надежду на Бога. Говорилъ: «При вѣздѣ въ Новгородъ, отслужи молебень въ первой церкви, и будешь счастливъ!» — вотъ добрый совѣтъ! Жаль, его нельзя было исполнить: а) потому, что я одинъ, нельзя бросить повозку; б) потому, что опасался прослыть святошею ¹⁾. Конечно, узнали бы, что я — инспекторъ.

Сестра Маша была еще дѣвица, но уже просватанная за тульского семинариста. Мнѣ ее было жаль. Я съ ней прощался съ горестію. Брату Михайлѣ наказывалъ попенсись о сестрѣ, особенно пріискивать всѣми способами денегъ ей въ награду. Спасибо! братъ поступилъ пре- благородно. Онъ пожертвовалъ ей до 500 рублей и самъ остался безъ полушки. Простясь съ родными, я поѣхалъ одинъ. Сердце замерло! я не смѣлъ и плакать.

Отѣхавъ отъ другой станціи версты двѣ, я встрѣтился съ митрополитомъ. Слезы покатились. Я пожалѣлъ, что не могъ увидѣть его (а для чего, право не знаю), и поѣхалъ далѣе.

Ѣхалъ и ночь. Въ Клинѣ пріѣхалъ около сумерекъ, а около полудня на другой день былъ въ Твери.

Здѣсь только пообѣдалъ на станціи и поѣхалъ. Не доѣзжая до Торжка 12 верстъ, мнѣ надобно было своротить влѣво съ версту въ село къ священнику, который есть зять Тульского профессора Михаила Абрамовича Воскре-

¹⁾ Потому что Антоніевъ монастырь, гдѣ семинарія, вправо отъ города, не доѣзжая его. Примѣчательно однако же, что первая церковь въ Новгородѣ — святаго Никиты, и я былъ *Никита*. Живя въ Новгородѣ, я всегда проѣзжалъ мимо сей церкви съ особымъ чувствомъ.

сенскаго ¹⁾). Насилу уговорилъ ямщика за рубль серебромъ. Такъ русскіе мужики грубіяны и низки!

Тутъ мнѣ были весьма рады. Я имъ привезъ поклонъ отъ Михаила Абрамовича. Сестра его еще молодая женщина, красивая и предобрая. У нихъ уже трое или еще четверо дѣтей.

Покормили меня и положили спать на пуховой перинѣ. Я уснулъ мертвымъ сномъ. Проспалъ до 9 часовъ. Это меня такъ поправило, что я почувствовалъ себя совершенно здоровымъ.

Отблагодаривъ ихъ, я поѣхалъ бодро далѣе. Къ вечеру пріѣхалъ въ Волочекъ. Тутъ ямщикъ уговорилъ меня ѣхать съ нимъ на вольныхъ въ ночь. Я согласился. Утромъ мы были уже въ Валдаѣ, или Зимогорьѣ.

Здѣсь я восхитился видомъ озера, среди котораго на островѣ Иверскій монастырь.

Я уговорилъ ямщика запретъ лошадь въ простую телегу и меня свозить въ тотъ монастырь.

Мы пріѣхали къ обѣднѣ. Вхожу въ монастырь,—навстрѣчу мнѣ монахъ. Спрашиваю: «Въ какой церкви служить?» Молчить. Я въ другой разъ. Опять молчить. Мнѣ стало досадно. (Послѣ узвалъ, что онъ молчитъ по обѣту). Обѣдню слушалъ съ умиленіемъ. Служать благоговѣйно и стоятъ весьма благочинно.

Послѣ обѣдни меня зазвалъ въ келью какой-то іеродіаконъ. Не помню разговоровъ. Но что то интересно. Келья прекрасная, и въ ней аккуратно.

Монастырь мнѣ весьма понравился. Кругомъ вода—натуральная защита отъ міра.

На островѣ лѣсъ строевой. Островъ продолговатъ, но узокъ, въ длину версты три, въ ширину полверсты. Монастырь на задней части острова.

Прекрасная прогулка и мѣсто уединенія для монаховъ!

¹⁾ Ныѣ вице-директоръ Канцеляріи оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода. (1867).

Монастырь сей основанъ патриархомъ Никономъ, его коштомъ. Образъ Иверскія Божія Матери, писанный на Аѳонской горѣ и обложенный золотой ризой, здѣсь почитается особою святыней. Я къ нему прикладывался и читалъ надпись.

Въ теперешнемъ благолѣпномъ видѣ монастырь устроенъ архимандритомъ Герасимомъ Гайдуковымъ, который за два или три года передъ симъ скончался.

Его въ Новгородѣ мнѣ бранили. Но я его весьма уважаю: а) за отличное устройство монастыря; б) за введеніе благочинія; в) я, будучи еще семинаристомъ, видѣлъ его въ Москвѣ, слушалъ его богослуженіе въ церкви Новгородскаго подворья и былъ къ это время, яко на небеси.

Молчащій монахъ, съ которымъ я встрѣтился, родной братъ сего достойнаго архимандрита.

Съ веселіемъ я возвратился на станцію. Пообѣдалъ и поѣхалъ далѣе.

Вечеромъ я пріѣхалъ въ Крестцы. Было около семи часовъ. Оставивъ повозку на постояломъ дворѣ, я тотчасъ пошелъ въ церковь ко всенощной (На другой день былъ Троицынъ день). Взошелъ въ церковь и удивился. Нѣтъ никого, пустая церковь! Было величаніе.

Послѣ всенощной меня позвалъ къ себѣ протоіерей.

Пошли. Напился у него чаю. Я спросилъ: «Почему нѣтъ никого въ церкви въ такой великій праздникъ? а притомъ у васъ во всемъ городѣ одна церковь». Отецъ протоіерей сквозь слезы сказалъ: «Весь городъ—раскольники!» Это ужасно. Послѣ я точно узналъ, что здѣсь поголовный расколъ.

Пришедши на постоялый дворъ и расположась здѣсь ночевать, по ревности я началъ обличать раскольниковъ, укоряя ихъ, что они оставили святую церковь. Раскольники слушали хладно.

На другой день (29 мая) утромъ я опять пустился въ путь, бывъ обнадеженъ ямщикомъ, что мы пріѣдемъ на станцію, гдѣ есть церковь (мнѣ хотѣлось въ день Святой

Троицы быть у литургіи). Обмануль дуракъ, и я остался безъ обѣдни.

Въ селѣ Зайцевѣ, откуда былъ ямщикъ, я былъ около 10 часовъ. Тутъ опять раскольники. У нихъ часовня и богослуженіе. Я пошелъ изъ любопытства. Тѣснота ужасная. Что-то бормочутъ мужики. Я пошелъ назадъ.

Этому ямщику я продалъ свою повозку. Бездѣльный! онъ меня обмануль: не додалъ 20 рублей или болѣе.

Около 6 часовъ вечера я пріѣхалъ въ Антоніевъ монастырь, гдѣ Новгородская семинарія, мѣсто моей будущей службы.

Ректоръ меня встрѣтилъ на улицѣ и позвалъ тотчасъ къ себѣ. У него (безъ одного) всѣ профессора. Я заразъ со всѣми познакомился.

Мой предмѣстникъ Елпидиоръ ¹⁾, произведенный уже въ архимандрита и назначенный ректоромъ въ Бѣлгородъ (на мѣсто настоящаго ректора), еще не уѣхалъ. Мнѣ дали другія комнаты.

На другой день отецъ ректоръ поѣхалъ со мной для представленія меня къ преосвященному. Не нашли его въ Новгородѣ: онъ былъ въ монастырѣ Хутынскомъ. Отецъ ректоръ повезъ меня къ отцу Фотію въ Юрьевъ монастырь. Отецъ Фотій принялъ меня хорошо, но больше поразилъ меня собою. Въ немъ я увидѣлъ юрдиваго для цѣлей, конечно, религіозныхъ, но котораго постигнуть мудрено.

Тутъ же я увидѣлъ графиню Анну Алексѣевну Орлову-Чесмеяскую. Эта умница сдѣлала изъ себя самую покорную и смиренную послушницу отца Фотія, не теряя, впрочемъ, благородства вельможи. Она меня обласкала матерински. Въ это время мнѣ подарила она, по благо-

¹⁾ Елпидиоръ Бенедиктовъ—святъ святи, ярославецъ. 1842 г. Ениск. Острогжскій, 1848 Харьковский, въ этомъ же году Подольскій, 1851 Вятскій, 7 янв. 1860 Архіеп. Таврическій, 25 мая уволенъ на покой, сконч. 31 мая 1860 г.

словесію отца Фотія, крепу на клобукъ и двѣ штуки матеріи богатой на рясу и на подрясникъ. (Ряса и теперь еще цѣла).

Послѣ я увидѣлъ и преосвященнаго. Простой и притомъ недалекій человекъ. Ко мнѣ былъ добръ. Это Тимоѣей Кетлеревъ, нынѣ епископъ Смоленскій ¹⁾).

Отселѣ началась моя жизнь и служба въ Новгородской семинаріи, едва ли не горестивѣйшая прочихъ.

Сперва скажу о нашихъ предшественникахъ. Ректоромъ до насъ былъ Иліодоръ, избранный въ то время и посвященный во епископа въ Курскъ ²⁾. Онъ тамъ и доселѣ. Онъ здѣсь былъ ректоромъ не мало времени. Новгородцы, ненавидящіе москалей по одному имени, (это я испыталъ самъ и знаю), были, какъ обыкновенно, неблагодарны противъ отца ректора. Но я, смотря на его дѣла, видѣлъ въ немъ человека точнаго, усерднаго по совѣсти, просвѣщеннаго и съ доброю душою. Маленько только, кажется, былъ тщеславенъ. Но кто совершенъ на землѣ во всемъ?

Инспекторъ, іеромонахъ Елпидифоръ ³⁾, (нынѣ викарій Воронежскій) молодой монахъ, отлично ловкій и расторопный, по должностямъ аккуратный, смѣтливый и совершенно исправный. Только, кажется, нѣсколько жестокъ.

Онъ съ своимъ ректоромъ жилъ очень дружно,—оттого

¹⁾ Пр. Тимоѣей, сынъ священника Смоленской епархіи, род. 1780 г., постриженъ 1821, ректоръ Харьковской коллеіи 1822 г., епископъ Старорусскій 1828 г., епископъ Смоленскій 1834 г., архіепископъ 1856 г.... уволенъ на покой въ Іорѣтскую Ордынскую пустынь, гдѣ и скончался въ 1862 г.

²⁾ Скончался въ 1860 году (или около) въ Бѣлгородѣ, на покой. Оставилъ 100,000 рублей.

Иліодоръ Чистяковъ, сынъ Калужскаго священника, магистръ москов. акад., постриженъ 1821 г., инспектор. москов. семинар. 1822 г., ректор. разанск. сем. 1825 г., Новгород. 1827 г., епископъ Курскій 1832 г., 1844 архіеписк., уволенъ 1860 г. скопч., 1861 г.

³⁾ Скончался въ 1860 году въ маѣ, на чредѣ, изъ Вятки переведенный въ новооткрывшуюся Крымскую епархію—архіепископомъ Симферопольскимъ.

они были весьма сильны. И архіерей долженъ былъ имъ уступить. Семинаристы любили ли ихъ—не знаю, а бо-
ялись ужасно.

Порядки, при нихъ бывшіе, были отличны. Дивился ихъ благоразумію и мастерству. Намъ нечего было за-
водить новаго, слѣдовало только поддерживать старое.

Впрочемъ, образъ мыслей отца Елпидіфора мнѣ не
показался. Мы даже съ нимъ довольно крупно поспо-
рили, а именно о Петрѣ Великомъ.

Въ это время, какъ я сказалъ, онъ уже былъ архи-
мандритъ и назначенъ ректоромъ въ Курскую семинарію,
то-есть туда же, куда произведенъ епископомъ его рек-
торъ. И это по ходатайству преосвященнаго Іліодора.
(Новое доказательство ихъ дружбы благородной). Мнѣ
было скорбно, что въ обращенія со мной онъ хотѣлъ ви-
дѣть во мнѣ ребенка, а я съ своей стороны хотѣлъ
почти съ нимъ равняться. Выходить—оба были глупы.

Но довольно о другихъ.

Итакъ, съ 29 мая 1832 года (Троицынъ день), я началъ
мое житіе въ Новгородѣ.

Я пріѣхалъ больной. Мнѣ нуженъ былъ покой душев-
ный и тѣлесный. Но, такъ судилъ Промыслъ Божій, ко-
нечно для моего спасенія, я не нашелъ ни того, ни другого.

Здѣсь моя профессія была—философія и еврейскій языкъ.
По мѣрѣ силъ я трудился въ томъ и другомъ предметѣ.

По инспекторству также я старался выполнять свою
обязанность по совѣсти и долгу.

Я избралъ себѣ келейникомъ семинариста изъ своего
класса, то-есть изъ средняго отдѣленія.

Это былъ Иванъ Щедринъ, мальчикъ—истинно рѣд-
кихъ качествъ сердца. Онъ любилъ меня, какъ отца, и
почиталъ счастіемъ быть у меня. Онъ сынъ священ-
ника Бѣлозерскаго уѣзда. У него былъ старше его братъ
Бриллиантовъ (въ то время былъ въ Киевской академіи.
Нынѣ професоромъ въ Харьковской семинаріи), другой
моложе его Григорій Кесаревъ (нынѣ гдѣ то священ-

никомъ), еще одинъ въ училищѣ. Этотъ послѣдній еще въ училищѣ не вѣлъ скоромнаго по объѣту. Скончался въ семинаріи (въ словесности) и погребенъ отцомъ Фотіемъ въ Юрьевомъ монастырѣ. Сестрица его, дѣвица, прислала мнѣ гостинецъ: утиральный платокъ ея работы. (Онъ у меня жилъ даже до Петербурга, я хранилъ его изъ почтенія къ благословенному семейству). Этотъ Иванъ утѣшалъ меня въ болѣзняхъ и въ горестяхъ душевныхъ. Лучше его у меня не было келейниковъ. При выѣздѣ изъ Новгорода онъ, какъ ребенокъ, плакалъ, жалѣя обо мнѣ. Я его видѣлъ священникомъ въ Петербургѣ въ 1839 году.

Воѣ мои горести заключались во враждѣ на меня ректора ¹⁾, которую и здоровому нелегко было бы переносить, а я былъ еще чуть живой.

Сначала онъ меня принялъ съ отверстыми объятіями, просилъ жить въ мирѣ, особенно съ нимъ, содѣйствовать ему познанію моему въ управленіи семинаріей. Это все прекрасно. Но уже ко мнѣ закралась грусть, когда я увидѣлъ въ немъ человека безмѣрно подозрительнаго, повелителя, характера до изступленія запальчиваго. Въ первый разъ онъ уже просилъ меня держать себя осторожно, а съ нимъ заедно, въ отношеніи къ обществу учащихся, къ знатному новгородскому духовенству; даже къ архіерею. Описалъ мнѣ семинаристовъ дерзновенными, ябедниками въ Петербургѣ, склонными къ пьянству. (Эта отчасти, къ несчастію, оказалось справедливымъ).

Я былъ и есмь совсѣмъ другихъ правилъ. Выслушавъ такія рѣчи, я подумалъ: отецъ ректоръ самъ пріѣхалъ изъ Малороссіи въ сію семинарію только за недѣлю до меня. Могъ ли онъ получить значительные поводы къ опасеніямъ, какими онъ меня пугалъ и самъ пугался? Ему наговорили. Но, конечно, люди недобрые. Зачѣмъ смущать новопріѣзжихъ? Хотя я не смѣлъ ректору отка-

¹⁾ Анатолій Мартыновскій.

затѣ прямо во всѣхъ его требованіяхъ, однако далъ ему разумѣть, что я хожу обратною стезею, именно: о незнакомыхъ людяхъ и въ обществѣ я сперва думаю хорошо до тѣхъ поръ, пока ихъ поступки докажутъ, что ихъ не надобно почитать хорошими.

Скоро я увидѣлъ, что найду въ ректорѣ себѣ гонителя. Такъ и случилось.

Сперва онъ меня пригласилъ къ своему столу, съ платой ему 25 рублей ассигнаціями въ мѣсяцъ. До октября такъ и было. Но съ сего времени я отдѣлился, и мы оба были рады.

На вакаціонное время отца ректора потребовалъ митрополитъ Серафимъ въ Петербургъ. Тамъ онъ пробылъ недѣли двѣ.

Отъѣзжая въ Петербургъ, отецъ ректоръ поручилъ мнѣ на досугъ вникнуть въ существующіе порядки въ семинаріи по всѣмъ частямъ и представить мои мысли, какія я о тѣхъ порядкахъ имѣю.

Такое порученіе я принялъ съ уваженіемъ; обзрѣлъ, что почиталъ нужнымъ, и написалъ вчернѣ свои мысли.

Когда пріѣхалъ изъ Петербурга отецъ ректоръ, я напомню ему, что приготовилъ на бумагѣ мои замѣчанія. Онъ попросилъ ихъ. Они у меня не были переписаны; притомъ я не хотѣлъ, чтобы это была отъ меня формальная записка въ правленіе. Я просилъ отца ректора выслушать, что я написалъ. Сталъ читать, помню, по экономіи: 1) представлялъ, что лучше имѣть мѣдные котлы для варенія пищи, а не чугунные, 2) что щи очень жидки и вовсе безъ капусты, съ овсяными крупами, которыя, по-русски, употребляютъ только для больныхъ; 3) что едва ли не отъ такой пищи семинаристы страдаютъ непрестанно поносомъ; 4) что, по моему мнѣнію, лучше имѣть комиссаромъ семинариста, чѣмъ солдата. Семинаристъ болѣе будетъ бояться бездѣльничать, и прочее.

Ректоръ не выслушалъ и половины. Пришелъ въ какое-то изступленіе и закричалъ: «Хорошо! пишите за-

писку. Мы посмотримъ. Пригласимъ профессоровъ. Согласны ли они на это будутъ. Вы пріѣхали сюда только насъ дурачить. Мы не знаемъ хорошихъ порядковъ. Вы лучше насъ! Вы—москаль», и прочее.

Я изумился и вовсе не понималъ гнѣва на меня ректора. Я ему сказалъ: «Отецъ ректоръ! мои рѣчи не законъ: не годятся—предайте ихъ забвенію. Я не хочу усиливаться ввести предполагаемые мною порядки. На то ваша воля. То, что я написалъ, взято съ Виѣанской семинаріи, въ которой я учился. Притомъ, я это сдѣлалъ по вашему мнѣ порученію». Ректоръ не могъ слушать моихъ рѣчей. Ему все казалось, что только хочу его дурачить.

Это была первая моя исторія съ ректоромъ. Отсюда пошелъ рядъ непрерывныхъ его на меня нападеній. Я молился. Въ Новгородѣ я былъ чужой. Просилъ профессоровъ защитить или же обличить меня. Они берегли каждый себя самого, и я былъ сущій сирота.

Преосвященный простъ, слабъ и, по своему положенію, какъ викарій, былъ безсиленъ. Притомъ я еще хотѣлъ терпѣть и ожидалъ, что отецъ ректоръ меня увидитъ въ моихъ поступкахъ и перемѣнитъ обо мнѣ свои мысли.

У меня было желаніе въ вакацію сходить въ Тихвинскій монастырь пѣшкомъ, если можно. Сперва я объ увольненіи себя просилъ ректора; уговорилъ, потомъ подалъ просьбу преосвященному и былъ уволенъ.

Чувствуя, что мое здоровье исчезаетъ, я хотѣлъ симъ путешествіемъ, можетъ быть, возстановить сколько-нибудь свои силы или же приготовить къ отшествію въ вѣчность.

Болѣзнь во мнѣ продолжалась тульская: замирало и трепетало сердце; въ груди и бокахъ истерическій жаръ; голова, какъ у пьянаго. Каждый разъ я ждалъ обморока и смерти. Особенно тягостны мнѣ были случаи, гдѣ я былъ на виду, напримѣръ, въ классѣ, у архіерея, въ богослуженіяхъ и такъ далѣе. Опалить меня какой-то вну-

тренный огонь, животь подкатится подь грудь, затрепещеть сердце, замреть языкъ, со мною дрожь, въ глазахъ мутно, голова будто пустая, обольеть всего потъ. Ужасно! Это были минуты будто предсмертныя, и какъ онѣ были часты!

Я взялъ съ собою въ путешествіе товарищемъ учителя духовнаго училища и письмоводителя нашего Николая Ѳеодоровича Львова, любившаго меня и даже почитавшаго.

Я хотѣлъ прокатиться по Волхову 70 верстъ на пароходѣ. А потомъ изъ села Грузино (графа Аракчеева) предпринять путешествіе пѣшкомъ, если достанетъ силъ.

Къ прискорбію моему, день, въ который я предпринялъ свое путешествіе, пароходъ простоялъ на мѣстѣ. Мнѣ не хотѣлось дожидать завтрава. Нанялъ я тройку ямскихъ и поѣхалъ по петербургскому шоссе до Яма Чудова (80 верстъ). Отсюда 14 верстъ до Волхова и въ Грузино.

Не желая безпокоить собою духовныхъ, я хотѣлъ ночевать въ гостиницѣ. Меня не пустили. Полицеймейстеръ (то-есть мужикъ Аракчеева) мнѣ сказалъ, что въ гостиницу приказано пускать только дворянъ. Съ стѣсненнымъ сердцемъ я пошелъ къ священнику.

У полицеймейстера (онъ же и содержатель гостиницы) я просилъ по крайней мѣрѣ дозволенія напиться чаю въ гостиницѣ — и въ этомъ отказано. «Не смѣю», сказалъ онъ. Впрочемъ, предложилъ, не угодно ли въ его комнатку. Я пошелъ. Тутъ и напился чаю.

Наконецъ, пришелъ къ священнику или протоіерею. Онъ былъ очень радъ и насъ накормилъ и успокоилъ. Поутру пригласилъ меня прогуляться по Грузину, даже быть у графа. Мнѣ весьма хотѣлось видѣть этого примѣчательнаго временщика. Къ несчастію, я не взялъ приличнаго монаху одѣянія, шелъ въ шляпѣ и рясу имѣлъ только демикотоновую. Не смѣлъ, поѣтому не сподобился видѣть Аракчеева. А онъ въ это время былъ дома.

Мы были въ церкви и въ библіотекѣ. (Это село описано мною въ моемъ путешествіи изъ Петербурга въ Одессу въ 1841 году).

Въ семь часовъ утра я пустился въ путь пѣшій съ моимъ спутникомъ. Шли селами и деревнями Аракчеева 21 версту. Последнее его село *Оскуе* было нашею станціею.

Чудно! Села и деревни Аракчеева—сущее великолѣпіе! Много походятъ на Царское Село. Чистота удивительная, всюду шоссе. Линіи домовъ регулярны и разстояніемъ равны. Что селеніе, то планъ и образецъ, и одинъ другого изобрѣтательнѣе. Во многихъ селеніяхъ есть господскій домъ, гдѣ Аракчеевъ развѣзжая любилъ или отдыхать или понемногу жить.

Въ *Оскуѣ* мы насилу отыскали домъ, гдѣ можно чего-нибудь поѣсть. Вошли въ одинъ домъ. Онъ въ длину дѣлится на двѣ половины. Лѣвая сторона—хорошая зала, гдѣ крестьянинъ не смѣетъ жить. Направо небольшая комнатка, гдѣ онъ живетъ.

Бѣдность лютейшая. Насъ покормили только крошивомъ, то-есть щами предурными, дали квасу и хлѣба. Еще у нихъ ничего не было.

Ветхая старушка—хозяйка—имѣетъ двухъ сыновей. Оба женаты и съ дѣтьми. Всѣ въ лохмотьяхъ. Я далъ старухѣ пять копѣекъ серебромъ за столъ. Она мнѣ въ ноги!

Тутъ я наслушался воплей и воздыханій противъ безумнаго тиранства Аракчеева. Они всѣ нищіе. За преступленія онъ наказывалъ битьемъ палками, или плетью, очень часто до смерти!

Я ужаснулся. Еще въ это время (ибо за годъ до этого въ военныхъ поселеніяхъ былъ бунтъ, отъ котораго Аракчеевъ едва унесъ свои ноги въ Новгородъ) онъ при-
смирѣлъ.

Мы пошли далѣе. Путь мелкимъ лѣсомъ, гдѣ больше болотъ и довольно песку. Отошли отъ *Оскуе* 14 верстъ, деревня. Спрашиваемъ: «Далеко ли далѣе селеніе»? Сказали: «16 верстъ». Слѣдовало бы намъ здѣсь остановиться ночевать, а я погорячился. Пошли далѣе, а дая уже оставалось очень немного.

Насилу дошли до деревни уже часовъ въ девять вечера. Деревню эту зовутъ *Кожуй*. Деревня большая, дома прекрасные, народъ достаточный. Стоитъ при изрядной рѣкѣ на горѣ.

Дорогой мой спутникъ жестоко ослабѣлъ и сталъ на меня сердиться. Я увидѣлъ искушеніе и сталъ больше молчать.

Мы вошли въ хорошій домъ. Намъ дали особую комнату, согрѣли самоваръ. Мой спутникъ распоряжается. Вдругъ со мной сдѣлалось дурно. Дыханіе сперлось, и я упалъ на порогъ комнаты. Чувствую, что приблизился мой конецъ.

Въ это время въ сосѣдней горницѣ хозяева сидѣли за столомъ, — ужинали. Я, упавши на порогъ, произвешъ: «Простите меня, добрые люди! Я умираю!» Тутъ отнялся у меня языкъ. Хозяева вскочили изъ-за стола, спутникъ тоже подбѣжалъ. Меня подняли и положили на лавку.

Я отдышался. Сдѣлался со мною ознобъ, я посинѣлъ и дрожалъ. Меня убѣдили выпить рюмку водки. Мнѣ стало легче. Выпилъ чашки двѣ чаю и уснулъ.

Проснувшись утромъ, я не могъ двинуться съ мѣста. Боль и колики во всемъ тѣлѣ. Тутъ я увидѣлъ, что уже не осталось ни малѣйшей возможности итти далѣе пѣшкомъ.

Это было 6 августа, день Преображенія Господня. Я сказалъ своему спутнику, чтобы нанималъ лошадей. Добрый нашъ хозяинъ намъ сказалъ: «Не медлите, нанимайте поскорѣе. У насъ сегодня праздникъ. Часа черезъ два никто васъ не повезетъ». Мы наняли тройку за узаконенные прогоны и въ тотъ же день ко всеобщей пріѣхали въ Тихвинъ.

На станціи *Руге* ¹⁾ мы обѣдали. Это село. Я хотѣлъ быть у обѣдни, но ея не было. Священникъ запрещенъ.

¹⁾ Иѣтъ, въ Руге мы почевали.

Овъ приходилъ на нашъ постоянный дворъ: не зналъ, кто я. И былъ бѣдняжка, кажется, нетрезвъ.

Тутъ я видѣлъ исторію. Прославскіе извозчики, пробираясь на шоссе, въ этомъ селѣ тоже обѣдали. Ихъ—возовъ тридцать. Они остановились въ томъ же домѣ, гдѣ мы. Ихъ приглашали многіе сосѣди, но они не захотѣли раздѣляться. Возы свои они разставили у домовъ подъ окнами, потому что улица была неширока. Жѣнщина изъ сосѣдняго дома съ досады, что извозчики остановились не у нея, а между тѣмъ возы поставили у нея подъ окнами, подъ тѣмъ предлогомъ, будто возы загородили выходъ съ ея двора, выбѣжала съ топоромъ и, съ бабыимъ визгомъ, браня извозчиковъ, хотѣла рубить ихъ колеса. Мужики пріободрились. Я боялся, какъ бы не вышло драки,—однако прошло только бранью.

Вѣзжая въ монастырь во время благовѣста ко все-нощной (на другой день, видно, было воскресенье), я уви-дѣлъ несчастнаго монаха, нетрезваго, идущаго въ городъ. «Куда отъ всенощной, отецъ?»—подумалъ я, — «да еще въ нетрезвомъ видѣ!» Жалостно было!

Я остановился у инспектора здѣшняго духовнаго училища, іеромонаха Антонія. Училище въ монастырѣ, и овъ жилъ здѣсь. Тотчасъ отправился въ церковь.

Отецъ архимандритъ здѣшняго монастыря, Иларіонъ¹⁾, старецъ почтенный, принялъ меня радушно, даже почти-тельно, что мнѣ было совѣстно.

Этотъ архимандритъ—сущее дитя. Изъ духовныхъ, съ 17 лѣтъ въ монастырѣ.

Овъ полагалъ, что я имѣю какія-нибудь порученія по начальству. Я успокоилъ его, сказавъ, что я только богомолецъ.

Въ это время что-то починали въ архіерейскихъ комнатахъ, и онъ извинялся, что по сему не можетъ отвести мнѣ квартиру въ тѣхъ комнатахъ.

¹⁾ Овъ давно уже скопчался (1867).

Я жилъ здѣсь съ недѣлю, однажды служилъ. Чудесная икона Тихвинской Божіей Матери поставлена у праваго со входа отъ западныхъ дверей столба въ большомъ соборѣ, а именно на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ, по сказанію, она пребывала въ Софійскомъ Константинопольскомъ соборѣ.

Икона поставлена въ огромномъ кіотѣ, украшенномъ тонкими витыми рѣзными столбами, ярко позлащенными. Икона—въ золотой ризѣ, украшена значительнаго достоинства драгоценными камнями. Риза прикрѣплена къ образу шалнерами и открывается. Я не разъ прикладывался къ самому образу. Красивыя, но потускнѣвшія краски... по живописи мудрено было разобрать. Удивительно, какъ благоухаетъ образъ.

Въ мое время здѣсь вотъ какая была исторія. Графъ Аракчеевъ далъ золота на сооруженіе новой ризы на образъ Тихвинской Божіей Матери, но съ тягостными и дикими условіями, именно, чтобы ежедневно въ семъ самомъ соборѣ за литургією (не исключая никакихъ праздниковъ) были ектеніи за упокой императора Александра (и, кажется, самого Аракчеева послѣ его смерти) и еще что-то. Митрополитъ Серафимъ, помню, кажется, велѣлъ возвратить золото. Однако, я послѣ узналъ, что точно сдѣлана новая золотая риза, только не знаю, изъ аракчеевскаго золота или изъ другого.

Безумная лесть! — подумалъ я и пожалѣлъ о пустотѣ душевной Аракчеева.

Черезъ нѣсколько дней отецъ архимандритъ далъ мнѣ свой экипажъ и лошадей, чтобы съѣздить въ два окрестные монастыря. Мы были вмѣстѣ съ смотрителемъ (свѣтскимъ) и еще съ кѣмъ-то.

Первый монастырь называется *Бесподный*. Онъ выстроенъ на томъ мѣстѣ, гдѣ Матерь Божія съ Угодникомъ Божиимъ Николаемъ Чудотворцемъ явилась чтецу Георгію, шедшему для отысканія сокрывшейся иконы Тихвинской Божіей Матери (смотрите сказанія о Ея явленіи). Мона-

стырь маленькій, очень небогатый. Кажется, одна церковь, строечная Иваномъ Васильевичемъ Грознымъ; маленькая, однако—своды на столбахъ, по-старинному. Тутъ мы слушали вечерню и пили чай у настоятеля іеромонаха. Было пріятно.

Положеніе монастыря на ровномъ мѣстѣ, близъ мелкаго лѣса, почти у дороги изъ Ярославля въ Петербургъ. Отъ Тихвина версты четыре.

Отсюда поѣхали въ другой монастырь—Антонія Дымскаго. Монастырь сей въ богатомъ лѣсу, отъ дороги версты четыре, при порядочномъ озерѣ. При мнѣ онъ еще огражденъ былъ деревянной стѣной. Двѣ церкви: одна деревянная, другая каменная двухъэтажная.

Здѣсь я стоялъ литургію. Служба пустынная, протяжная и весьма благоговѣйная. Монахи кротки, умиленны. Настоятель—іеромонахъ, человѣкъ строгій, но богобоязненный.

Угоднику Божію Антонію, здѣсь почивающему подъ спудомъ, я служилъ молебенъ самъ и въ продолженіе всего молебна стоялъ въ желѣзной шляпѣ, которую угодникъ для умерщвленія плоти носилъ всегда, живя въ плоти.

Чудныя времена! Дивныя подвиги! Нынѣ все это прошло, забыто.

Послѣ обѣда меня пригласила братія выкупаться въ нѣмъ святомъ (какъ они зовутъ) озерѣ, для здоровья. Я былъ чуть живъ. Былъ уже августъ, притомъ день свѣрый. Однако пошелъ. Тутъ хорошая купальня; вода чистая, какъ хрусталь. Раздѣлся, подумалъ, перекрестился и палъ въ воду; окунулся разъ, два и три, вышелъ и почувствовалъ бодрость и пріятность. Я былъ радъ.

Послѣ у отца настоятеля обѣдъ, нарочно приготовленный, очень изрядный. Тутъ меня удивилъ іеромонахъ изъ дворянъ: низкопоклонный и жеманный. Однако, какъ говорятъ, весьма строгой жизни.

Его весьма почитаютъ господа (Евгеній, кажется).

Погостивши здѣсь полдня, я съ пріятностію поѣхалъ обратно. Утѣшала меня мирная, строгая и благоговѣйная жизнь братіи. У нихъ сущая пустыня. Однако и къ нимъ заходятъ богомольцы, приходящіе въ Тихвинъ. При мнѣ были какія-то два семейства порядочныхъ людей.

Возвратясь опять въ Тихвинъ, я погостилъ здѣсь еще дня три. Смотритель училища (бѣдняжка, онъ уже давно скончался, не помню его имени, фамиліи; свѣтскій, женатый, кроткій) сдѣлалъ для меня обѣдъ. Мнѣ это было совѣстно, а однако пріятно. Тутъ видѣлъ я студентовъ Петербургской академіи.

Городъ Тихвинъ—маленькій, на скатѣ горы совершенно песчаной. Внизу протекаетъ небольшая рѣчка Тихвинка, однако посредствомъ шлюзъ судоходная.

Ниже города у самой рѣки въ низменномъ мѣстѣ Тихвинскій монастырь, именно на мѣстѣ явленія иконы Богоматери.

Монастырь прекрасно обстроенъ, кругомъ соборъ большой, старинный, но содержится въ чистотѣ и расписанъ очень хорошо.

Ризница здѣсь довольно примѣчательная. Много ризъ въ жемчугахъ и камняхъ, много дареныхъ отъ императоровъ. Есть драгоценныя царскія ожерелья, кажется, фельдмаршальскій жезлъ и прочее.

Тутъ же хранится цѣлая куча треугольныхъ желѣзныхъ съ зубринами шиповъ. Это остались отъ временъ осады Тихвина монастыря шведскимъ генераломъ Де-ла-Гарди. Эти шипы разсыпали по дорогамъ и тѣмъ губили непріятельскую конницу. Шипы сіи вонзались въ копыта лошадей, и лошадь должна была пропасть. Кажется, Де-ла-Гарди не попалъ въ монастырь.

Отецъ архимандритъ меня потчевалъ общей братской столовой, гдѣ онъ и самъ кушаетъ, ибо у нихъ общежитіе. Кушанья незатѣйливыя, однако сытныя и приготовляются по-русски, хорошо. Кушанья подаютъ послушники.

Наконецъ, я собрался въ обратный путь и поѣхалъ съ моимъ спутникомъ на перемѣнныхъ.

Пріѣхали къ ночи въ Грузино. Тутъ опять ночевали у того же отца протоіерея. Отсюда утромъ отправились по Волхову внизъ на лодкѣ до пристаней деревни Сомины — верстъ 14. Отсюда пересѣли на пароходъ. Съ 9 часовъ утра къ вечеру пріѣхали въ Новгородъ (70 верстъ). На дорогѣ два раза останавливались у штабовъ и долго ждали.

Лишь тронулись на пароходѣ, у меня закружилась голова, и мнѣ стало дурно. Я бросился въ каюту — и тамъ то же. Мнѣ посовѣтовали выпить чего-нибудь крѣпкого. Я выпилъ стаканъ воды съ коньякомъ, и тотчасъ все прошло.

Вмѣстѣ со мною ѣхала на пароходѣ какая-то барыня съ дочкой, гостившая у Аракчеева. Эта барыня пуще меня томила: тошнота и круженіе головы сдѣлали ее полумертвою. Между тѣмъ дочка ея — дѣвушка лѣтъ 17, тоненькая (очень пріятная собою) не чувствовала ничего; была рѣзва и весела.

Возвратясь изъ путешествія, я сдѣлался нѣсколько бодрѣе. Однакоже томность и тоска душевная меня не совсѣмъ оставили. Я былъ унылъ.

Въ ректорѣ не только не умалилась противъ меня вражда, напротивъ, день ото дня она росла и усиливалась. Мнѣ казалось, что онъ подмѣчалъ всѣ шаги мои, чтобы меня гдѣ-нибудь уловить.

По милости Божіей, ученики меня любили и были преданы мнѣ нелестно. Ректоръ любилъ тайныхъ доносчиковъ, слушалъ ихъ въ оба уха. Однако, долгое время ничего во мнѣ не нашлось, къ чему бы можно было придратись.

Осень въ Новгородѣ была тогда неблагополучна: съ сентября стали сказываться случаи холеры. Много стало умирать несчастныхъ барочниковъ, которые жили и тряслись по баркамъ вдоль берега Волхова подъ самымъ нашимъ монастыремъ.

Между семинаристами также открылись жестокіе поносы, которые часто превращались въ горячку. Я трепеталъ.

Съ половины сентября заболѣлъ и я. Со мной открылся поносъ. Сперва онъ былъ сносенъ. Съ недѣлю я еще ходилъ въ классы, потомъ слегъ. Прошу семинарскаго врача. Онъ согласился лѣчить, но посѣщалъ меня черезъ день, два. Я испугался; поносъ все усиливался и изнурилъ меня до того, что я едва могъ пройти по комнатѣ. Подо мною жилъ іеромонахъ Павелъ (онъ уже скончался), славившійся лѣченіемъ. Къ нему ходило множество народа, даже порядочныхъ людей. Хоть не ученый, онъ былъ лѣкаръ не на шутку. У него была своя весьма значительная аптека. Я вздумалъ прибѣгнуть къ нему. Пришелъ и сталъ просить его спасти меня. «Хорошо, отецъ инспекторъ», сказалъ онъ: «я тебя тотчасъ вылѣчу, только ты не бойся. Я тебѣ напередъ скажу, какъ я тебя лѣчить буду. Я тебѣ дамъ сперва слабительнаго, чтобы тебя очистить, а потомъ буду укрѣплять». Подумалъ я и покорился. Онъ мнѣ далъ алойной настойки, велѣлъ передъ обѣдомъ пополамъ съ водкой выпить, потомъ столько же передъ ужиномъ. Я выпилъ передъ обѣдомъ. Поносъ усилился; выпилъ передъ ужиномъ, усилился вдвое.

Это было 30 сентября, наканунѣ Покрова Пресвятой Богородицы. Ночью поносъ усилился еще. Я уже не могъ ходить, ноги подкосились. Легъ въ постель. Тѣло стало холодѣть, языкъ отнимается, со мною конвульсія. Чувствую, что настанетъ мой конецъ. Мой добрый Иванъ (кедейникъ) взвылъ, какъ ребенокъ. Была полночь. Кое-какъ я ему успѣлъ растолковать, чтобы онъ поставилъ самоваръ и напоилъ меня аглицкою мятой. Я выпилъ подъ одѣяломъ три чашки, сталъ потѣтъ; языкъ возвратился, и я воскресъ.

Утромъ я уже послалъ за докторомъ и умолялъ пріѣхать. Онъ меня сталъ лѣчить по своему, и черезъ недѣлю я опять сталъ на ноги.

Что въ это время отецъ ректоръ?—Подалъ на меня записку въ Правленіе. Въ запискѣ было одиннадцать обстоятельныхъ на меня пунктовъ. Записка начиналась такъ: «Исощивъ всѣ мои убѣжденія и потерявъ надежду на исправленіе инспектора, я прошу Правленіе и проч.»

Въ Правленіи къ сужденію о сей запискѣ оставался одинъ экономъ. Онъ молчалъ. Ректоръ просилъ секретаря снести ее ко мнѣ и требовать отъ меня объясненій. Секретарь сказалъ: «Инспекторъ, по-моему разумѣнію, хорошъ. Притомъ онъ на одрѣ смертномъ. Вашею запискою надо его убить. Не могу исполнить вашего порученія».

Ректоръ завизжалъ и выбѣжалъ изъ Правленія. Вечеромъ онъ поѣхалъ съ сею же запиской къ архіерею. Войдя въ залу и подойдя въ слезахъ къ благословенію архіерея, ректоръ отвернулся, сталъ на колѣни и зарыдалъ, всхлипывая и приговаривая: «Преосвященнѣйшій владыка! Спасите семинарію; она погибаетъ!» — «Что такое, отецъ ректоръ?» — «Инспекторъ погубилъ семинарію, и я боюсь, какъ бы и мнѣ вмѣстѣ не погибнуть». Тутъ ректоръ подалъ записку, какую онъ подавалъ на меня въ Правленіе. Архіерей просилъ успокоиться ректора и общался вразумить инспектора.

Тотчасъ послано за мною. Я былъ еще въ постели и отказался. Черезъ недѣлю явился; преосвященный принялъ меня сурово, началъ упрекать и требовалъ оправданій. Я еще не зналъ, что донесъ на меня ректоръ, и потому не зналъ, въ чемъ оправдываться.

Преосвященный показалъ мнѣ записку. Я прослезился и улыбнулся отъ досады, сказавъ преосвященному: «Если вамъ угодно, выслушайте сію минуту оправданія». Потомъ я началъ объяснять каждый пунктъ. Преосвященный увидѣлъ, что я тутъ невиненъ, и что есть какія-нибудь тайныя причины. Однако, это онъ хотѣлъ отъ меня скрыть и приказывалъ мнѣ строго — исправиться. Я понякъ еще болѣе, только призывалъ въ помощь милосердіе Божіе и тѣмъ утѣшался.

Однако, послѣ того ректоръ стихъ. Правда, ругался варварски въ Правленіи, утомляя и истощая меня напрасно. Но я привыкъ уже терпѣть и благодарилъ Бога, что несу.

Стало приближаться время Рождества Христова. Я за-

думалъ съѣздить въ Петербургъ и явиться къ митрополиту Серафиму и, если будетъ возможно, просить себѣ защиты или хоть снисхожденія. Притомъ я надѣялся тамъ же видѣть митрополита московскаго и, если возможно, просить его покровительства.

Сталъ проситься сначала у ректора, потомъ у преосвященнаго. Хотя и съ трудомъ, однако согласились и тотъ, и другой. Я выѣхалъ на третій день Рождества. Черезъ двое сутокъ пріѣхалъ и остановился у инспектора семинаріи Антонія ¹⁾. Прошелъ было къ Серафиму, но принять не былъ; отложено до завтра.

На другой день являюсь къ митрополиту. Сначала меня потребовалъ къ себѣ Алексѣй Ивановичъ Сусловъ, секретарь митрополита. Сталъ онъ разспрашивать меня: кто я, откуда, гдѣ учился, гдѣ служилъ, доволенъ ли службой въ Новгородѣ, зачѣмъ пріѣхалъ. — Я старался на все отвѣчать, сколько могъ, сухо, досадуя, что я долженъ раскрывать свои скорби предъ такимъ человѣкомъ, котораго я не хотѣлъ знать. Однако, принужденъ былъ сказать нѣчто сквозь зубы. Сусловъ презрительно отозвался обо мнѣ въ лицо, что я негодный инспекторъ, потомъ доложилъ митрополиту ²⁾.

Меня провели въ гостиную. Митрополитъ прохаживается. Я, по обычаю, поклонился ему въ ноги и просилъ благословенія. Митрополитъ презрительно сказалъ: «Къ чему эти земные поклоны? Терпѣть не могу лести!» Потомъ

¹⁾ Архіепископъ Владимирскій (1867). Сынъ костромскаго священника, магистръ учился въ Спб. академіи. 1829 постриженъ, 1830 инспекторъ калужской, 1832 Петербургской семинаріи, 1840 ректоръ петерб. семинаріи, 1852 епископъ Острожскій, 1853 Старорусскій, 1854 Архангельскій, 1857 Нижегородскій, 1860 Волынскій, 1866 архіеп. Владимирскій, † 1878 г. А. Т.

²⁾ Сусловъ А. И., секретарь м. Серафима, пользовался особымъ довѣріемъ митр. Московскій прот. Казанскаго собора выразился объ этой дружбѣ такъ: извѣстно, что дрожжи безъ сусла не бываютъ.

сталъ меня разспрашивать, откуда я родомъ, гдѣ учился, гдѣ служилъ и прочее,—дошелъ наконецъ до дѣла. Спросилъ: «Зачѣмъ ты сюда пріѣхалъ?» Я сказалъ: «Принять благословеніе отъ вашего высокопреосвященства.»—«Кто тебя звалъ?»—Я замолчалъ.—«Кто тебя уволилъ?»—«По согласію Правленія—преосвященный Викарій.»—«Глупо Правленіе, глупъ и архіерей: отпустили молодого монаха болтаться по Петербургу безъ всякой нужды. — Хорошо ли ты живешь въ Новгородѣ?» Я со скорбію сказалъ: «Отецъ ректоръ считаетъ меня неспособнымъ. Но я съ своей стороны употребляю все раченіе, чтобы ему угодить и его приказанія по возможности исполняю.»—«Врешь, ты противъ него возмущаешь семиваристовъ, потворствуешь ихъ шалостямъ, заступаешься за бездѣльниковъ и черезъ то отнимаешь руки у отца ректора. Ты хочешь выслужиться передъ семинаристами, привлечь ихъ къ себѣ и вооружить противъ ректора, который хочетъ искоренять бездѣльность. Куда годится безстрашіе? Это гибель общества. Знаю, ты хочешь величаться своимъ милосердіемъ и помрачить собою ректора. Кто ты? Мальчижъ, котораго никто не знаетъ. А твой ректоръ—человѣкъ съ заслугами, испытанный. Я его выпросилъ, какъ милость, у курскаго архіерея. А ты еще осмѣлился его уничтожать! Кто ты? ребенокъ. Если я еще услышу о тебѣ одно нехорошее слово, я тебя сошлю въ монастырь, куда не завозилъ воронъ костей, и тамъ брошу на братскую порцію. Да не думай, что когда-нибудь воскреснешь, тамъ и сгниешь.—Гдѣ ты остановился?»—«Я—у инспектора семинаріи.»—«Какъ онъ тебѣ знакомъ?»—«Никакъ.»—«Почему же ты у него остановился?»—«По единству моей съ нимъ службы.»—«Скоро ль ты уѣдешь назадъ?»—«Какъ прикажете, высокопреосвященнѣйшій владыка.»—«Что мнѣ приказывать? ты не спрашивался меня пріѣхать сюда. Но вотъ тебѣ сказка. Незваннаго гостя въ первый день дарятъ золотомъ, во второй—серебромъ, въ третій—оловомъ, а въ четвертый — указываютъ двери. Ступай и разсуждай».

Столь грозныя и претительныя рѣчи меня привели въ недоумѣніе. Я пришелъ на квартиру, поговорилъ съ инспекторомъ и по его же совѣту тотчасъ отправился къ Московскому митрополиту. Филаретъ меня принялъ очень ласково. Посадилъ. Послѣ нѣсколькихъ словъ онъ меня спросилъ: «Каково тебѣ жить въ Новгородѣ?» Такой вопросъ послѣ непроставшаго еще жара отъ истязаній Серафима взволновалъ мое сердце. Слезы покатились ручьями. Я не могъ выговорить слова.—«Ты плачешь? о чемъ? что съ тобой? скажи!»—Я опять не могу сказать слова. Душевное волненіе отняло мой языкъ. Помолчавъ немного, митрополитъ третій разъ спросилъ: «О чемъ ты плачешь?» Я опять не могъ сказать ничего. Митрополитъ (про себя): «Нѣтъ, надо переменить разговоръ.—Бываешь ты у отца Фотія?»—«Бываю.»—«Часто ли?»—«Всего былъ разъ восемь или десять.»—«Чудный человекъ. Поѣхалъ молиться Богу въ Воронежъ. Доѣхалъ до Тулы и воротился назадъ.»—«Ну скажи же, о чемъ ты плачешь?» Тутъ я вкратцѣ разсказалъ поступки со мной ректора и то, какъ меня истязалъ митрополитъ Серафимъ. Митрополитъ Филаретъ пожалѣлъ меня и сказалъ: «Ну что-жъ, жаль тебя. Но мнѣ не ссориться же изъ-за тебя съ Серафимомъ. Поди къ Стефану Дмитріевичу Нечаеву» (оверъ-прокуроръ Святѣйшаго Синода). Я говорю: «Нѣтъ, не пойду. Свѣтскихъ я не могу о себѣ просить». Наконецъ митрополитъ сказалъ: «Иди, — живи съ Богомъ въ Новгородѣ; старайся угождать ректору, въ чемъ безъ оскорбленія совѣсти можно. Я не думаю, чтобы онъ сталъ продолжать притѣсненія. Если же, паче чаянія, опять станетъ тебя тѣснить, ты скажи ему: «Позволь мнѣ, отецъ ректоръ, для успокоенія васъ и себя проситься въ другую семинарію. Въ прошеніи я не скажу ничего о нашихъ неудовольствіяхъ, а буду проситься, чтобы перевели меня въ какую-нибудь семинарію поужинѣ Новгородской, для поправленія здоровья». Тогда мы дадимъ тебѣ другое мѣсто. Я не думаю, чтобы ректоръ осердился на такую просьбу».

Послѣ, узнавъ, что митрополитъ мнѣ приказалъ тотчасъ выѣхать изъ Петербурга, пожалѣлъ, что не могу увидѣть Петербурга. Онъ велѣлъ покататься и посмотрѣть по-лучше.

Я былъ весьма утѣшенъ; забылъ свое горе, объѣхалъ всѣ лучшія мѣста и улицы Петербурга и выѣхалъ на четвертый день изъ Петербурга. Это было 1-го января 1833 года. Наканувъ всенощную я слушалъ въ академической церкви и примѣчательно: въ это время постригали въ монахи студента и назвали Флавіаномъ, того самого, который заступилъ мое мѣсто въ Новгородѣ (нынѣ онъ ректоромъ въ Грузіи)¹⁾.

Отецъ ректоръ поступилъ со мной очень хитро и зло. Увидѣвъ, что архіерей не вооружился на меня столько, сколько ему хотѣлось, даже, вѣроятно, уговаривалъ его, чтобы онъ ко мнѣ не столь былъ жестокъ,—онъ съ жалобой и на архіерея отослалъ на меня ту же записку къ викарію Петербургскому Смарагду²⁾ (нынѣ архіепископу Астраханскому), своему покровителю, который и рекомендовалъ его митрополиту Серафиму. Викарій передалъ ее митрополиту, безъ сомнѣнія, еще съ новыми на меня жалобами. Потому Серафимъ и принялъ меня столь жестоко. Такъ сильно и язвительно дѣйствовалъ противъ меня отецъ ректоръ. По неопытности моей я не могъ этого ни предвидѣть, ни понять.

Скажу и еще о ректорѣ. Когда онъ подалъ на меня записку въ Правленіе и узналъ, что мнѣ это передано,

¹⁾ А нынѣ настоятель Толгскаго монастыря, что близъ Ярославля (1867).

²⁾ Мой рукоположитель во архіерея.

Смарагдъ Крыжановскій—магистръ петер. академіи, постриженъ 1819, инспектор. кievск. академіи 1821, ректор. 1828, Петербургскій 1830, епископъ Ревельскій 1831 г., Полоцкій 1833, Могилевскій 1837, Харьковскій 1840, Астраханскій 1841, Орловскій 1844, Рязанскій 1858 † 1863 г.

и когда увидѣлъ въ Правленіи холодность къ его жалобѣ, онъ, кажется, въ тотъ же вечеръ пришелъ ко мнѣ и въ слезахъ палъ мнѣ въ ноги, прося прощенія за обиду. Я заплакалъ сильнѣе его и благодарилъ Бога за то, что ректоръ примиряется со мною. Что же? Ректоръ, вышедши отъ меня, поѣхалъ къ архіерею съ жалобой на меня и разсказалъ ее такъ, какъ выше описано.

Сего недовольно. Послѣ жалобы архіерею и послѣ моихъ оправданій ректоръ опять съ такими же слезами приходилъ ко мнѣ и снова просилъ прощенія.

Что еще? Послѣ и сего написалъ на меня жалобу Петербургскому викарію.

Измѣрьте низость и перемѣнчивость души такого чловека! Я истинно не могу доселѣ понять, что это за чловекъ отецъ Анатолій. Живое изображеніе поляка или католика ¹⁾!

Послѣ такихъ происшествій дѣйствительно ректоръ не сталъ уже затѣвать на меня новыхъ притѣсненій. Только—холодность и страшная подозрительность. Я благодарилъ Бога, что по крайней мѣрѣ не было какихъ-нибудь особенныхъ сценъ.

Съ весны 1833 года настали сильныя совершенно удушливья жары. Онѣ меня томили. Я сталъ слабѣть и вянуть.

¹⁾ Анатолій Мартыновскій, овдовѣвъ въ 1819 г., поступилъ въ Каменецъ подольскій троицкій мон. 1822 постриженъ, 1823 поступилъ въ кievскую академію, 1825 бакалавръ, 1827 магистръ, 1829 ректоръ Курской семинаріи, 1832 ректоръ Повгород. семинаріи, 1840 епископъ Екатеринбургскій, 1841 Острожскій, 1844 Могилевскій, 1853 архіеп., 1860 уволенъ на покой въ Гербовецкій Успенскій мон. Скончался 9 августа 1872 г. Извѣстенъ какъ писатель, онъ помѣщалъ иногда свои статьи и за подписью Авдіи Востоковъ. Особенно пользовалась распространеніемъ его книга „Вѣра, Надежда и Любовь“, выдержавшая 5 изданій (1848—1867 г.). Лучшая его біографія была составлена М. Едлинскимъ „Анатолій Мартыновскій и его литературные труды, Кіевъ, 1880“. Его же въ трудахъ Кіев. Дух. Акад. 1885 г.

Хотѣлъ ободрить себя купаньемъ. Но, выкупавшись раза два, я едва было не утонулъ отъ того, что не умѣю порядочно плавать. Такъ и пересталъ. (Надо было купаться позади барокъ, въ глубинѣ и при сильномъ теченіи. Меня едва не увлекло подъ барку).

Такъ какъ сей годъ былъ курсовой, то очень рано начаты были экзамены. Ректоръ, мстительный и недовѣрчивый человѣкъ, а притомъ привязанъ былъ къ буквѣ закона. Онъ сидѣлъ на экзаменахъ по пяти часовъ.

Какъ инспекторъ, я долженъ былъ присутствовать на каждомъ испытаніи. Это меня убило. Я едва могъ отправить свой экзаменъ по философіи и слегъ въ постель. Это было на день Тихвинской Божіей Матери 26 іюня. Помню, въ этотъ день была гроза и обильный дождь.

Голова у меня всегда болѣла и была будто пустая или какъ у пьянаго. Я не могъ терпѣть даже легкаго жара. Едва могъ держать на головѣ камилавку. Въ глазахъ у меня будто туманъ, и я ежечасно боялся обморока. Глаза у меня были мутны, дикіе, бродячіе, лицо черное съ блѣдными пятнами, въ груди и животѣ сухой жаръ, аппетита почти нѣтъ.

Болѣзнь моя началась страшною головою болью. Я почти терялъ разсудокъ отъ сей нестерпимой боли. Разлилась желчь по всему тѣлу.

Меня началъ лѣчить нашъ врачъ. Болѣзнь шла кверху. Я опасался умереть. До 15 іюля болѣзнь усиливалась. Я трижды исповѣдывался и причащался. Мои отцы духовные отчаявались въ моемъ выздоровленіи (это мнѣ сказывали послѣ). Я померкъ душою. Меня утѣшалъ мой келейникъ, его братъ и еще мой первый ученикъ—Алексѣй Никитинъ. Читали мнѣ каноны, акаѳисты, и я молился умомъ.

Мнѣ было приставлено по три или по четыре пѣвки къ обоимъ вискамъ. Съ сего времени головѣ моей стало легче, и я сталъ понемногу выздоравливать. Къ концу іюля я выздоровѣлъ.

Спасибо, ректоръ во время моей болѣзни меня нерѣдко посѣщалъ. Былъ однажды и преосвященный (будучи на ревизіи семинаріи).

Удивительно! Мои три отца духовные—все умерли. Два Іоанна умерли одинъ за другимъ почти въ то время, какъ я выздоравливалъ, а третій—іеромонахъ Иннокентій, кажется, ужъ послѣ моего вызѣзда изъ Новгорода.

Младшій отецъ Іоаннъ умеръ поносомъ, только что поступивъ въ монастырь. Другой отецъ Іоаннъ былъ древній старецъ, однако умеръ случайно. Его избилъ пьяный іеромонахъ (кажется—Неофитъ). Онъ скоро и умеръ.

Еще о примѣтахъ. Подо мною у іеромонаха Павла (моего злого врага) въ палисадникѣ жили два молодыхъ вороненка. Во время моей болѣзни они ужасно стонали подъ моимъ окномъ, гдѣ я лежалъ. Я сталъ выздоравливать, и они смолкли.

Послѣ, когда заболѣли вышепомянутые мною отцы, всеронята перешли къ нимъ и стонали ужасно, даже и послѣ того, какъ они скончались.

Недаромъ русскіе почитаютъ сію птицу вѣщею! Хотя, впрочемъ, я это изъясняю натуральной чуткостью ихъ обонянія.

Сообщилъ *Ан. Титовъ*.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЗАПИСКИ ПРЕОСВЯЩЕННАГО НИКОДИМА, ЕПИСКОПА ЕНИСЕЙСКАГО И КРАСНОЯРСКАГО ¹⁾).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Въ августѣ я опять выпросился на религіозное путешествіе—именно въ Огеньскій монастырь, гдѣ почиваютъ мощи угодника Божія, Новгородскаго митрополита Іоны. Монастырь этотъ отстоитъ отъ Новгорода, внизъ по Волхову, въ 40 верстахъ, и отъ праваго его берега въ 10 верстахъ.

30 верстъ я ѣхалъ на пароходѣ, а 10 пѣшкомъ. И опять съ моимъ спутникомъ въ Тихвинъ—Николаемъ Θεодоровичемъ Львовымъ. (Онъ нынѣ ²⁾ священникъ въ Новгородѣ при Михайловской церкви. Я у него былъ два раза: проѣзжая изъ Вятки въ Петербургъ въ 1838 году, и изъ Петербурга въ Одессу въ 1841 году. Жена его меня очень полюбила).

Удивительный монастырь! Кругомъ въ болотѣ, непроходимомъ, заросшемъ лѣсомъ. Впрочемъ, монастырь будто на островѣ. Въ немъ сухо, хотя, впрочемъ, въ кельяхъ нижняго этажа я видѣлъ грибы, растущіе на полу.

Монастырь маленькій, но прекрасно обстроенъ, и церкви хорошія. У нихъ есть и порядочный капиталъ въ банкѣ.

Меня завлекъ къ себѣ игуменъ сего монастыря, отецъ

¹⁾ Продолженіе. См. іюль—августовскую книжку *Душевн. Чит.* 1911 г.

²⁾ А нынѣ уже протоіерей въ селѣ Грузинѣ, вдовый (1867).

Иннокентій, немного постарше меня, московскаго купца сынъ, бывшій въ Іерусалимѣ; человекъ однако очень веселый, если не разсѣянный. Денегъ у него своихъ много. Шампанское у него льется.

Однако душою онъ весьма добръ, радушенъ и гостепріименъ. (Нынѣ онъ архимандритомъ въ какомъ-то Новгородскомъ монастырѣ—близъ Устюжны. Бѣднѣйшій монастырь) ¹⁾.

Я помню его одно слово. Бывши въ Іерусалимѣ и на Синайской горѣ, онъ отъ одного отшельника, у котораго борода до земли, услышалъ вотъ что: «Если хочешь спасенія, оставайся здѣсь (на Синаѣ). Въ Россіи трудно спастись... отъ наглости женъ». Да! отецъ сказалъ слишкомъ правду, по крайней мѣрѣ для меня.

Я пробылъ сутки въ этомъ монастырѣ съ большимъ удовольствіемъ. Братія кротки и богобоязненны. При мнѣ правилъ чреду старецъ, 40 лѣтъ живущій въ монастырѣ. Ему кажется лѣтъ 80. Тутъ тогда жилъ послушникомъ побочный сынъ графа Аракчеева, смиренный, а однако съ образованіемъ. Онъ былъ въ гвардіи и флигель-адъютантомъ у государя. Поссорился въ театрѣ съ какимъ-то генераломъ и былъ сосланъ на Кавказъ рядовымъ. Тамъ снова за храбрость получилъ офицера и Владиміра. Затѣмъ добровольно пошелъ въ монастырь. Отца своего онъ ненавидѣлъ, хотя тотъ присылалъ ему въ мѣсяцъ 100 руб. (Нынѣ онъ въ Соловецкомъ монастырѣ, въ скиту. Ведетъ весьма нетрезвую жизнь и подверженъ падучей болѣзни... Это мнѣ недавно разсказалъ Соловецкій іеромонахъ Моисей, отправлявшійся въ Іерусалимъ). Изъ Отенскаго монастыря отецъ игуменъ далъ мнѣ до Волхова лошадей. А отсюда я опять на пароходѣ пріѣхалъ въ Новгородъ.

¹⁾ А нынѣ живетъ на покоѣ въ Печерскомъ монастырѣ въ Нижнемъ-Новгородѣ. (1867).

Съ сего времени, по милости Божіей, я сталъ выздоравливать. Даже сталъ себя чувствовать столь порядочно, что у меня снова воскресла совсѣмъ погасавшая надежда жить.

Привыкнувъ къ мученіямъ отъ ректора, я сдѣлался терпѣливѣе тѣмъ паче, что полагалъ, что меня скоро возьмутъ изъ Новгорода, какъ это и случилось.

Разскажу исторію. При мнѣ митрополитъ Московскій три раза проѣзжалъ изъ Петербурга въ Москву и изъ Москвы въ Петербургъ. Намъ два раза не удавалось видѣть митрополита. Въ первый разъ вовсе пропустили его, во второй разъ спѣшили опрометью, но уже встрѣтили его на волховскомъ мосту. Кажется, въ этотъ разъ митрополитъ поспѣшилъ нарочно. Онъ обѣдалъ за станцію до Новгорода, а здѣсь у архіерея пробылъ меньше пол часа и уѣхалъ.

Встрѣтась съ нами на волховскомъ мосту, онъ улыбнулся и поѣхалъ далѣе. Мнѣ было понятно, что митрополитъ былъ огорченъ поступками со мною ректора и потому не хотѣлъ его видѣть ¹⁾).

Въ третій разъ ректоръ захотѣлъ во что бы-то ни стало, но непременно видѣть митрополита. Ему слѣдовало въ сентябрѣ возвращаться въ Петербургъ. Мы два дня безвыходно дежурили въ консисторіи. На третій день митрополитъ пріѣхалъ въ 8 часовъ вечера. Ректоръ бросился опрометью къ архіерею. (Ректоръ еще не видывалъ ни разу Филарета). Доложили. Приказано войти. Входимъ.

Ректоръ тотчасъ митрополиту въ ноги. Митрополитъ говорить: «Что ты? зачѣмъ»? Ректоръ (дрожа и весьма тихо): «Поздравить ваше высокопреосвященство съ благополучнымъ прибытіемъ». Митрополитъ: «Что? говори яснѣе, не слышу».

Ректоръ повторилъ то же, но уже столь крѣпко, что вышло довольно дико (между тѣмъ и рѣчь нескладная).

¹⁾ Однако, не слишкомъ ли много я о себѣ думаю.

Слѣдовало сказать: принять благословеніе отъ вашего высокопреосвященства. Митрополитъ: «Благодарю. — Ну скажи мнѣ, отецъ ректоръ, гдѣ ты учился, гдѣ служилъ». (Это уже сказано тихо и мягко).

Ректоръ сказалъ: «Учился въ Кіевской академіи, былъ тамъ бакалавромъ, потомъ ректоромъ въ Бѣлгородѣ (Курской семинаріи), наконецъ здѣсь въ Новгородѣ».

Митрополитъ: «Ты писалъ возраженіе на ревизію ревизора Евлампія, посланнаго по высочайшему повелѣнію изъ Московской академіи?»

Ректоръ: «Помилуйте, ваше высокопреосвященство, за что мнѣ противъ него писать возраженія? Онъ прекрасный, умный, кроткій, снисходительный человѣкъ. Я имъ обласканъ, я ему признателенъ. За что я буду на него писать?»

Митрополитъ (улыбнулся). «Не знаю, кто же это? Но кажется ты. Вѣдь ты былъ ректоромъ въ это время тоже?»

Потомъ, обратясь къ Викарію: «Станный и заносчивый человѣкъ. Ревизоръ донесъ, что нашелъ. Ректоръ хотѣлъ вывернуться. Насгавилъ разныхъ крючковъ, и только себя привелъ въ еще большія подозрѣнія. Мнѣ преосвященный Владиміръ ¹⁾ (тогда Курскій и бывшій въ Петербургѣ) показывалъ эти кляузы. Я прочелъ съ презрѣніемъ къ доносику». Ректоръ опять началъ клясться, что онъ не писалъ никакого возраженія. Но кажется въ это время пятилѣтній ребенокъ увидѣлъ бы, что онъ вреть. Для митрополита было довольно, что онъ высказалъ самому ректору, кто онъ. Рѣчь объ этомъ прекратилась.

Послѣ митрополитъ, говоря за прокладъ, спросилъ отца ректора: «Какихъ отцовъ вы почитаете главными и преимущественно нужными для богословія?»

Ректоръ. Василия Великаго, Августина, Оригена.

¹⁾ Владиміръ Ужинскій—постриженъ въ 1807, ректоръ Новгородской сем. 1812, епископъ ревельскій 1819 г., Курскій 1822, Черниговскій 1831, архіеп. Казанскій 1831, уволенъ на покой 1848, † 1855 г.

Митрополитъ. Оригенъ учитель, но не отецъ. У него есть заблужденія. Августинъ слишкомъ тонокъ и изысканъ. Нѣтъ. Мы почитаемъ столпами церкви и великими учителями — Василія Великаго, Григорія Богослова и Іоанна Златоустаго. Здѣсь митрополитъ началъ каждого изъ сихъ отцовъ характеризовать, удивляясь ихъ и уму, и просвѣщенію, и благочестію.

Такимъ образомъ ректоръ опять сконфузился. (По выходѣ ректоръ воскликнулъ: «впредь не буду вѣрить чужимъ рѣчамъ. Миѣ въ Кіевѣ натвердили, что Филаретъ Оригена ставитъ выше всѣхъ отцовъ. Вышло вовсе не такъ.») — Слѣдовательно, ректоръ исчислилъ митрополиту отцовъ въ угоду ему, а не своему разумѣнію).

Митрополитъ началъ извиняться (прелюбезно, но съ усмѣшкою), что онъ не заѣзжаетъ къ намъ въ семинарію. Сталъ конфузить легко монастырь Антоніевъ и семинарію. Монастырекъ бѣдный, плохо обстроенъ, семинарія ветхая, тѣсная, сырая. Ректоръ на каждое слово съ защитой. Митрополитъ прелюбезно ему замѣчаетъ: «Ты все хвалишь; я тебѣ не вѣрю. Инспекторы! ты нашъ. Скажи правду, вѣдь плохая семинарія?» Я отвѣчаю: «Точно тѣсна, но комнаты сухи». Ректоръ: «Библіотека у насъ богата».

Митрополитъ. «Да! бібліотека точно богата».

Ректоръ: «Жаль, что она обобрана въ Петербургскую академію». Митрополитъ вдругъ перемѣнилъ тонъ и сказалъ гнѣвно: «Погоди клеветать на другихъ, исправься самъ». Послѣ сего, обратясь къ Викарію, началъ ему подробно рассказывать исторію нашей бібліотеки.

«Новгородская семинарская бібліотека точно богатая, потому что древняя и пріобрѣталась великими нашими іерархами. Митрополитъ Гавріилъ за что-то разсердился на Петербургскую семинарію, закрылъ ее и сослалъ въ Новгородъ. Туда пошла и бібліотека. Послѣ митрополитъ Амвросій опять возстановилъ семинарію и даже академію въ Петербургѣ. Потребована была обратно изъ Новгорода и бібліотека. Но это было сдѣлано небрежно. Часть книгъ

Петербургской семинаріи осталась въ Новгородской. А между тѣмъ попались въ Петербургъ и новгородскія книги. Это оттого, что и сдана была въ Новгородъ, и принята обратно библіотека на память, а не по каталогу. Въ бытность мою ректоромъ Петербургской академіи я ѣздилъ въ Новгородскую семинарію для ревизіи. Я зналъ прежнюю исторію библіотеки; рассмотрѣлъ ее, сколько могъ, увидѣлъ множество книгъ Петербургской семинаріи, кромѣ того много важныхъ книгъ въ нѣсколькихъ экземплярахъ. Пріѣхавши въ Петербургъ, я объяснилъ это митрополиту Амвросію и просилъ позволенія взять изъ Новгорода по крайней мѣрѣ такія книги, которыя тамъ не въ одномъ экземплярѣ. Это было утверждено, и потому было взято нѣсколько книгъ.—Вотъ что значитъ мое обираніе вашей библіотеки».

Ректоръ молчалъ.

Простились. Митрополитъ сказалъ: «Ну, отцы, простите: вамъ не близко ѣхать».

Скажу и еще о ректорѣ Анатолиі.

1) Онъ былъ сущій мучитель. Завелъ регулярныя засѣданія въ Правленіи трижды въ недѣлю. И какой мучитель! умѣй угадать его мысли, а если ошибешься, зареветь, начнетъ метаться, укорять, грозить. Это ужасно. Потомъ резолюціи на журналъ я писалъ подъ его диктовку, какъ ребенокъ. Онъ мнѣ сказывалъ по словечку, прерывая дѣло непрерывно разсказами и анекдотами, которые онъ тысячу разъ вновь пересказывалъ.

2) Былъ ужасно подозрителенъ. Когда начнемъ повѣрять деньги, онъ безпрестанно подглядывалъ за мною и за экономомъ, опасаясь, какъ бы мы не положили ассигнаціи въ карманъ. Это было убійственно. Притомъ онъ былъ человекъ очень небожій въ счетахъ.

3) Однажды, вытерпѣвъ отъ него страшный ревъ за сужденіе о какихъ-то пустякахъ въ Правленіи, я пришелъ къ нему и сказалъ: «Отецъ ректоръ! я васъ раздражаю своими сужденіями, такъ не требуйте ихъ отъ меня. Вы—

ректоръ, и управляйте дѣлами, какъ знаете. Я не буду противорѣчить: буду подписываться молча».—«А! ты хочешь меня ввести въ бѣду. Теперь будешь молчать, а приплюютъ ревизора—нажалуешься. Нѣтъ, говори».—И такъ я не смѣлъ не говорить, и все чаще терпѣлъ горькія его укоризны.

4) Онъ любилъ имѣть ябедниковъ. Я ихъ презиралъ. И за это много было его гнѣва.

5) Однажды ректоръ такъ возмутилъ семинарію, что я ждалъ бѣды. Вотъ какъ было дѣло.

Вскорѣ по переводѣ учениковъ, ученики написали пасквиль на своего старшаго. Старшій, дурной души и ябедникъ, ректору. Онъ донесъ о семъ прямо ректору; не знаа подлинно, кто написалъ пасквиль, заподозрилъ нѣкоторыхъ наобумъ. Ректоръ заревѣлъ, потребовалъ учениковъ въ Правленіе и приготовилъ розги. Ученики потому ли, что были невинны или испугались звѣрскаго вида ректора, бросились бѣжать изъ Правленія. Ректоръ за ними, крича блажь: «Запирай ворота!»

Я ничего не зналъ. Въ ту самую минуту, какъ ректоръ растрепанный бѣжалъ за учениками, я шелъ въ классъ. Испугавшись сего дива, я спрятался и тихонько прошелъ въ классъ.

Прихожу, мои ученики всѣ на колѣняхъ. Я заставилъ одного рассказать дѣло. Онъ рассказалъ со слезами и упреками. Я счелъ неблагоразумнымъ раздувать огонь и сталъ за ректора. Говорю имъ: «Вы точно виноваты. Ректоръ нашъ общій начальникъ и отецъ. Можетъ ли онъ ошибиться? да если бы и ошибся, какъ смѣете роптать?—Утихните. Иначе васъ всѣхъ отдадутъ въ солдаты». Такими и подобными рѣчами я едва ихъ успокоилъ. Потомъ пошелъ къ богословамъ, которые прежде были моими учениками. Имъ я началъ выговаривать и пристыжать. Слава Богу! привелъ и ихъ въ чувство. Тѣмъ и погасло дѣло.

Былъ ли я возмутитель семинаріи?

6) Однажды (зимою) насъ съ ректоромъ пригласилъ к

себѣ на обѣдъ архимандритъ Сковородскаго монастыря ¹⁾ (нынѣ уже покойный). Мы были. Возвращаясь оттуда въ закрытыхъ саниахъ, мы начали переправляться черезъ рукавъ Волхова на паромѣ. Была страшная вьюга. Мы сидѣли въ саниахъ закрывшись. Нашъ кучеръ слѣзъ помочь перевозчику. Когда тронулся паромъ, лошади отъ круженія въ глазахъ начали пятиться назадъ. Ректоръ замѣтивъ это, закричалъ блажью. Кучеръ не слышитъ. Ректоръ тотчасъ отстегнулъ съ своей стороны фартукъ, выскочилъ на паромъ, едва на него попавши, потому что сани уже окунулись въ воду. Смотря на всю эту исторію, я сидѣлъ спокойно (на лѣвой сторонѣ) и недоумѣвалъ, чего забоялся ректоръ. Я видѣлъ впереди лошадей довольно пространства на паромѣ и опасаясь только, чтобы лошади не бросились впередъ, я не примѣчалъ, что онѣ пятятся назадъ. Еще одна секунда,—и я точно погибъ бы; но на шумъ и скачки ректора кучеръ обернулся и успѣлъ схватить лошадей. Я спасенъ. Послѣ сего ректоръ сталъ ужасаться прошедшаго приключенія и говорилъ: «Ну, если бы вы утонули, мнѣ была бы бѣда. Сказали бы, что я утопилъ васъ нарочно». Вотъ чудной человѣкъ! Не о томъ заботится, что я погибъ бы, а только, чтобы самому не отвѣчать.

7) Однажды за утреней (должно быть въ воскресенье) ко мнѣ подошелъ ректоръ и сказалъ съ воздыханіями: «Да! отецъ инспекторъ, вы счастливы. Васъ переводятъ на вашу родину. А я несчастный странствую въ землѣ чуждей». Я спросилъ: «Куда?» — «Въ Тулу». Я немножко пригорюнился, однако возблагодарилъ Бога, что избавляюсь отъ Новгорода.

Черезъ недѣлю точно получено предписаніе о переводѣ меня въ Тульскую семинарію тоже инспекторомъ.

¹⁾ Гермаль, † 1836.

Скажу нѣчто о моихъ сослуживцахъ.

1) Экономъ семинаріи Николай Сергѣевичъ (кажется 4-го курса Спб. академіи), человѣкъ сердца недобраго и недалекій. Онъ меня тотчасъ возненавидѣлъ, какъ увидѣлъ на меня гоненія ректора. Но послѣ, когда ректоръ сталъ придирается и къ нему, онъ увидалъ свою ошибку и приблизился ко мнѣ. Однако мы не могли быть слишкомъ близки. Онъ былъ женатъ. Послѣ меня у него жена умерла.

2) Секретарь Правленія, учитель Василій Ивановичъ Богословскій, прелюбезный человѣкъ. Онъ меня любилъ, и мнѣ было пріятно имѣть съ нимъ знакомство. Онъ тоже женатъ. Жена его изъ простенькихъ — питомка графини Орловой. Она все была больна. Теперь Василій Ивановичъ протоіереемъ и смотрителемъ въ Боровичахъ ¹⁾.

3) Учитель словесности Арсѣя Ивановичъ Силуановъ, священникъ при Знаменскомъ соборѣ и библіотекарь ²⁾. Умный и аккуратный человѣкъ. Онъ меня любилъ, я у него бывалъ. Жена его при мнѣ была въ чахоткѣ и скоро послѣ меня умерла.

4) Учитель Петръ Ѳеодоровичъ Солярскій, лѣнтяй, флегматикъ, толстый и небойкій. Однако простъ. Съ нимъ я ни то, ни сѣ. Онъ тоже женатъ.

5) Василій Степанычъ Троицкій—профессоръ. Умный и даровитый, но налитанъ Иннокентіевской премудростью. Онъ родомъ Тверской. Тамъ нашелъ себя подругу и со мною вмѣстѣ переѣхалъ въ Тверскую семинарію. Теперь онъ служить не въ семинаріи.

Скажу объ архимандритѣ Фотіи и графинѣ Аннѣ Алексѣевнѣ Орловой—Чесменской.

Архимандритъ Фотій, по моему мнѣнію, произвольно юродивый Христа ради. Его жизнь и дѣла весьма примѣ-

¹⁾ Послѣ былъ въ Новгородѣ кафедральнымъ протоіереемъ. Скончался въ 1866 году (1867).

²⁾ Послѣ былъ законоучителемъ въ гимназіи и протоіерей. Скончался 1867.

чательны. Можетъ быть, онъ останется и въ исторіи. Я скажу о немъ, что самъ видѣлъ и знаю. Я у него больше десяти разъ бывалъ и всегда при какомъ-нибудь важномъ случаѣ и въ собраніи многихъ.

Онъ говорилъ рѣзко, прямо, но больше загадочно, притчами. Лица человѣча не стыдился. Имѣлъ ревность о православіи и не щадилъ заблужденій (какія думалъ онъ видѣть) даже въ великихъ сановникахъ.

Обыкновенно въ собраніяхъ у него (послѣ обѣдни) всѣ, кто бы они ни были, только слушали его, поощряя къ разговорамъ только краткими вопросами.

Съ 1832 года по самую кончину 1838 года, слѣдовательно слишкомъ шесть лѣтъ, онъ служилъ именно ежедневно. Столъ имѣлъ чисто пустынный; въ великій постъ жилъ только просфорой преждеосвященныхъ.

Онъ носилъ власницу на голомъ тѣлѣ и сверху рубашку въ видѣ стихаря, иногда какой-либо цвѣтной матеріи. Но рясы носилъ богатыя.

Онъ имѣлъ самый свѣтлый, нѣжный и безпредѣльный теноръ и былъ великій мастеръ служить. Проповѣди онъ говорилъ весьма часто и большею частію экспромптомъ. Его проповѣди странны. Иногда столь забавны и смѣшны, что дивишься, какъ можно говорить столь неприлично; но иногда столь рѣзки и глубокомысленны, что забудешь себя самого. Я это испыталъ надъ собой.

Вотъ нѣсколько случаевъ, особенно мнѣ примѣчательныхъ.

1) Однажды въ какой-то праздникъ мы были у отца Фотія. Гостей была полна гостиная, и все важные. Мнѣ даже не досталось мѣста, и я стоялъ. Входитъ какой-то корпусный докторъ медицины, подошелъ къ благословенію. Отецъ Фотій благословилъ. За нимъ его жена среднихъ лѣтъ, а за нею ихъ дочка—невѣста. Благословивъ жену, отецъ Фотій вдругъ быстро на нее взглянулъ и вотъ что сказалъ: «Какъ ты смѣешь подходить ко мнѣ къ благословенію? ты мерзкая! что? отрубить мнѣ теперь свою

руку?—вѣдь ты мерзкая! Ты знаешь, что я сейчасъ служилъ». Такія рѣчи поразили всѣхъ насъ какъ громомъ. Сдѣлалась мертвая тишина. Однако женщина не сробѣла (это весьма удивительно), и мужъ смотрѣлъ на эту сцену хладнокровно. Женщина, впрочемъ, начала подаваться назадъ, и видно было, что хотѣла уйти. Отецъ Фотій ее остановилъ: «Коли пришла, такъ сиди, бери себѣ мѣсто». Она нашла себѣ стулъ и сѣла. Отецъ Фотій, какъ будто съ нимъ ничего не было, началъ продолжать преспокойно другіе разговоры.

Я не могъ (и теперь не могу) постигнуть этой сцены. Послѣ я услышалъ, что отецъ Фотій въ тотъ же день послалъ этому доктору 10,000 рублей на выдачу его дочки замужъ, которая была уже просватана. Услышалъ также, что сія несчастная, обруганная отцомъ Фотиємъ, женщина точно измѣняла мужу. Говорили, будто самъ мужъ просилъ отца Фотія погонять его жену. Однако все же очень тяжело такой благородной дамѣ вытерпѣть такой позоръ, а мужу это перенести. Впрочемъ, сколько знаю, это дѣло осталось безъ послѣдствій. (По крайней мѣрѣ я не знаю ихъ).

2) Юродство отца Фотія подвергало его пререканіямъ. Одни его превозносили до небесъ, другіе уничижали. У меня языкъ—бритва, но я самъ любилъ его цѣнить. Какъ-то, разговаривая о немъ съ своими келейниками, я выразился о немъ такъ: «Вашъ отецъ Фотій былъ и въ академіи, но вышелъ бракъ», то-есть я разумѣлъ, что онъ не кончилъ академическаго курса. Спустя нѣсколько времени, въ какой-то праздникъ я былъ у отца Фотія со многими другими. Отецъ Фотій подозвалъ меня къ себѣ и посадилъ съ собой рядомъ. (Онъ садился на софѣ одинъ, и съ нимъ никогда никто не сиживалъ). Я конфузился. Отецъ Фотій началъ мнѣ говорить тихо: «Я о тебѣ слышалъ, что ты очень хорошо говоришь проповѣди. Благодаря Бога, тебѣ это нужно. Но я хочу дать тебѣ одинъ совѣтъ, прошу послушать. Пусть хоть и я былъ въ академіи и

однако *вышелъ бракъ*, — да это не бѣда. Все же я тебя постарше, и мой совѣтъ тебѣ полезенъ. Ты очень велики пишешь проповѣди. Надо жалѣть слушателей. Говори немного, будутъ любить больше. Послушайся же. Ну, поди». Можно представить, какъ меня была въ это время совѣсть. Я вспомнилъ, что укоризненно называлъ отца Фотія *бракомъ*. Онъ мнѣ это переговариваетъ и весьма незлобиво.

Пріѣхавши домой, я началъ бранить моихъ ребятъ, что они выносятъ мои съ ними рѣчи. Они клялись, что никому не сказали этого слова. Я подивился. Келейники меня любили и не боялись; знаю, что они бы покались, если бы точно сказали. Теперь судите, какъ узналъ это отецъ Фотій.

3) Во время гоненій на меня ректора, я, потерявъ всѣ надежды (кромя Бога) на защиту людей, вспомнилъ объ отцѣ Фотіи и рѣшился у него попросить покровительства отъ притѣсненій или хоть добраго совѣта — перенести искушеніе. Пріѣхалъ къ нему въ 12 часовъ въ будни. Прошу доложить. Доложили; отказано; велѣно подождать до вечерни. Я рѣшился. Посидѣлъ у отца намѣстника Мануила. (Онъ нынѣ архимандритъ и преемникъ ¹⁾ отца Фотія). Позвали. Вхожу. Тутъ графиня и еще какія-то двѣ дамы. Не смѣю начать своихъ жалобъ: совѣстно женщинъ. Отецъ Фотій что то заговорилъ самъ, не спрашивая, зачѣмъ я. Потомъ говоритъ графинѣ: «Чадѣ! принеси книгу, что у меня...» (гдѣ-то, не помню). Графиня побѣжала и принесла *Ефрема Сирина*. Отецъ Фотій разогнулъ книгу, поворожалъ, нашелъ мѣсто, указалъ мнѣ и велѣлъ читать. Я сталъ читать, а онъ ушелъ. Мѣсто было изъ сочиненій Аввы Дорожеева. Оно было такъ близко къ моимъ обстоятельствамъ, что я тотчасъ увидѣлъ себѣ урокъ. У меня полились слезы градомъ. Я прочелъ не больше страницы, какъ отецъ Фотій вошелъ опять и тотчасъ заговорилъ: «Не правда ли, что тутъ хорошо написано?» Я по-

¹⁾ Давно скончался (1867).

чувствовалъ какую-то душевную радость, и мнѣ уже стало не нужно жаловаться отцу Фотію. Я молчалъ. Потомъ отецъ Фотій, обратясь къ графинѣ, которая уже собиралась домой, сказалъ: «Чадѣ! покорми гостя, вѣдь онъ сегодня едва ли поѣлъ». Я точно не ѣлъ. Графиня прелюбезно и преневиново стала пожиматься, выражая, что я монахъ и мужчина, а она дѣвица (отецъ Фотій велѣлъ ей взять меня въ ея экипажъ). Отецъ Фотій сказалъ: «Чего ты боишься? Онъ младенецъ. Поѣзжай съ нимъ». Графиня послушалась, и мы съ нею пріѣхали въ ея домъ. Тотчасъ собрали обѣдъ. Я не могъ проглотить ни куска. Графиня потчевала. Я откланялся и уѣхалъ въ семинарію.

Въ этой исторіи я хочу видѣть духовное прозрѣніе отца Фотія. Почему онъ зналъ, зачѣмъ я къ нему пріѣхалъ? Однако онъ мнѣ сказалъ все.

4) Когда уже я былъ назначенъ къ перемѣщенію въ Тулу, я былъ у отца Фотія на прощаніи. Вотъ его пріемъ. Меня свели въ его молельную. Тутъ горятъ большія восковыя свѣчи. Отецъ Фотій въ хитонѣ или рубашкѣ, подпоясанъ кожанымъ ремнемъ (ремень сей онъ мнѣ подарилъ, и онъ у меня цѣлъ). Онъ мнѣ тотчасъ подаль часословъ и велѣлъ прочесть, кажется, девятый часъ. (Это было время около вечерни). Я прочелъ. Онъ входитъ опять. Пожалѣлъ о моемъ перемѣщеніи, говоря: «Жаль, что я не зналъ твоихъ скорбей. Я бы постарался тебѣ помочь и утѣшить».

Не думаю, чтобы онъ не зналъ. И слѣдовательно, не знаю, что значать сія рѣчи.

Потомъ онъ меня напоилъ своимъ чаемъ, то-есть простой горячей водой съ вареньемъ. Тутъ онъ былъ ко мнѣ ласковъ и началъ меня дарить. Подарилъ мнѣ свою панагію и съ цѣпочкой (цѣпочка половина платинная, половина золотая), далъ денегъ сто двадцать пять рублей и еще кое-какихъ игрушекъ, напримѣръ: цвѣтного сургуча, обдѣланный бронзою кусокъ гранита отъ колонны императору Александру.

Я сталъ прощаться. Отецъ Фотій сказалъ тутъ мнѣ страшную рѣчь: «Прощай! Но послушай, я тебя прошу объ одномъ. Когда поѣдешь въ Петербургъ, заѣзжай въ этотъ монастырь и отслужи панихиду по архимандритѣ Фотіи. Исполни же!» Я сталъ говорить: «Я желаю видѣть ваше высокопреподобіе въ живыхъ». Отецъ Фотій твердилъ свое и повторялъ нѣсколько разъ, провожая меня до передней.

Дѣйствительно, я отца Фотія не видалъ живого; точно былъ въ Петербургъ и служилъ въ его монастырѣ надъ нимъ панихиду. И что удивительно? Я взятъ былъ въ Петербургъ изъ Вятки совсѣмъ неожиданно, и именно вскорѣ по смерти отца Фотія.

Теперь о графинѣ. Дивлюсь! Графиня такъ была привязана къ отцу Фотію, что была его въ полномъ смыслѣ послушницей. Ея капиталомъ перестроенъ весь Юрьевъ монастырь; состроено нѣсколько храмовъ, а главный украшенъ великими драгоценностями. Ризница устроена превеликолѣпная и драгоценная. (Жаль, главное въ ней похищено на день Вознесенія, кажется, въ 1839 году. По объявленію похищено на 300 тысячъ рублей серебромъ).

Я видѣлъ въ монастырскихъ книгахъ еще въ 1835 г., что у монастыря въ банкѣ лежитъ 750 тысячъ рублей ассигнаціями. Теперь думаю есть милліонъ. И это все графиня!

Она перенесла прахъ своихъ родителей изъ подмосковнаго своего села и похоронила въ Юрьевѣ.

Отецъ Фотій ее пріобщалъ каждое воскресеніе. Она весь день проводила въ кельяхъ отца Фотія, только на ночь пріѣзжала домой. (Она скончалась послѣ литургіи, причастившись, и въ комнатахъ архимандрита Мануила. Это подало поводъ къ злорѣчію, но я не постигаю его).

Отецъ Фотій скончался отъ рака въ груди. Это отъ власницы. У него образовался ракъ, еще когда онъ былъ архимандритомъ въ Деревяницкомъ монастырѣ, лѣтъ за

12 до его смерти. Тогда его вырѣзали доктора. Потомъ ракъ образовался снова, его вырѣзалъ самъ себѣ отецъ Фотій. Отъ третьяго рака онъ умеръ. Царство ему небесное.

Передъ выѣздомъ изъ Новгорода я видѣлъ во снѣ святого архіепископа Моисея, почивающаго въ Сковородскомъ монастырѣ. Я счелъ за обязанность тутъ быть; былъ и служилъ молебень.

Потомъ я сталъ собираться въ путь. Собрался въ три дня и уѣхалъ съ профессоромъ Троицкимъ до Твери.

Мое вторичное инспекторство въ Тульской семинаріи.

(Отъ 29 октября 1833 года по 19 февраля 1835 года).

Я выѣхалъ изъ Новгорода со скорбію, яко изгнанникъ. Семинаристы нѣсколько часовъ толпились передъ моими окнами. Я боялся показывать имъ видъ скорби изъ опасенія, какъ бы и здѣсь ректоръ не сдѣлалъ мнѣ зла. Семинаристы обо мнѣ жалѣли: они меня любили. Спасибо имъ!

Мой келейникъ съ Николаемъ Θεодоровичемъ Львовымъ, моимъ спутникомъ по монастырямъ, провожали меня версты три и, разставаясь, плакали, какъ дѣти. Это для меня было дорого.

Мы выѣхали ночью; заѣзжали къ профессору Василью Ивановичу. Тутъ я растрогался и горько поплакалъ.

Ѣхали всю ночь. Чай утренній пили въ Крестцахъ; обѣдали въ Валдаѣ; въ 12 часовъ ночи пріѣхали въ Вышній Волочокъ. Я утомился ужасно. Насилу умолилъ моего спутника, профессора Троицкаго, дать мнѣ отдыху часа на два: онъ спѣшилъ къ молодой женѣ. Къ вечеру на слѣдующій день мы пріѣхали въ Тверь — и въ квартиру дяди Троицкаго, у котораго жила его жена.

Здѣсь я пробылъ больше двухъ сутокъ. Мнѣ пріятно было отдохнуть и видѣть добродѣтель и привязанность жены Троицкаго къ нему. Это истинное утѣшеніе. Дай Богъ имъ счастья!

Ихъ служанки—Евгенія и Марья — прислуживали мнѣ съ величайшимъ усердіемъ, почитая услугу мнѣ себѣ за святыню. И это мнѣ было утѣшительно видѣть.

Съ Троицкимъ и его дядею мы были въ семинаріи у ректора отца Аѳанасія (нынѣ епископа Томскаго ¹⁾) и инспектора отца Наѳанайла (нынѣ ректора Костромской семинаріи ²⁾). На сей 1843 годъ онъ въ Петербургъ на чредѣ). И тутъ быть было пріятно.

Я выѣхалъ изъ Твери послѣ половины дня и ночевалъ въ первомъ Московской губерніи селѣ Завидовѣ у священника Александра Ивановича. Тутъ мнѣ тоже пріятно было ночевать. Этотъ священникъ учился въ Виѣнѣ. Я былъ въ риторикѣ, онъ въ богословіи; былъ лекторомъ французскаго языка. Кроткій и богобоязненный человекъ. Жена его тоже благочестивая женщина (кажется, она скончалась. Въ 1838 году, проѣзжая въ Петербургъ, я ее видѣлъ на смертномъ одрѣ; слышалъ, что она скончалась). Когда я сталъ подъѣзжать къ Москвѣ, у меня слезы потекли градомъ. Тутъ я считалъ себя какъ бы воскресшимъ.

¹⁾ Аѳанасій Соколовъ, сынъ Костромскаго дьячка, кончилъ курсъ въ С.-Петербургской академіи въ 1825 г. и тамъ же постригся. 1826—инспекторъ Псковской семин. и магистръ, 1828 ректоръ Харьков. коллегіума, 1830 рект. Черниг. семир., 1832 Тверской сем., 1838 Петерб. семин., 1841 еп. Томскій, 1853 архіеп. Иркутскій, 1856 Казанскій, 1866 уволенъ на покой, скончался 1868 г.

²⁾ Наѳанайлъ Савченко, сынъ Бѣлоградскаго протоіерея, кончилъ курсъ въ Кіевск. акад. 1825 г., магистръ 1827, постриженъ 1833, ректоръ Подольской сем. 1834, Костромск. сем. 1839, еп. ревельскій 1845, Старорусскій 1850, Полтавскій 1851, Архангельскій 1860 г., Черниговскій 1871, архіепископъ 1874, сконч. 1875 г.

Пробывъ два дня въ Москвѣ, я отправился въ Троицкую лавру поклониться угоднику Божію преподобному Сергію и постѣтитъ мѣста моей юности сладкой и наукъ.

Здѣсь я остановился у инспектора академіи Филарета ¹⁾ (онъ мой по академіи товарищъ; нынѣ епископъ въ Ригѣ).

Это было 8 ноября, день Архистратига Михаила. Одинъ бакалавръ (Архидіаконовскій) правилъ свои именины. Меня не пригласили.

Отецъ ректоръ Поликарпъ меня принялъ довольно сухо. Я поскучалъ, однако обижаться не смѣлъ.

Былъ у намѣстника Лавры, архимандрита Антонія. Я ему въ Тулѣ дѣлалъ наперстный крестъ стальной. Онъ принялъ пустынноически. Это мнѣ показалось слишкомъ тяжело; я счелъ за лицемѣріе или самообольщеніе. Онъ мнѣ толковалъ изъ Добротолюбія и Мистицизма о внутреннемъ крестѣ и прочее.

Въ соборѣ Троицкомъ я помолился съ умиленіемъ. Слезы лились сами.

Ѣздилъ въ Виванію и ночевалъ у отца инспектора Евсевія ²⁾ (нынѣ ректора Московской академіи). Вечеромъ былъ у ректора Евлампія ³⁾ (нынѣ епископа Орловскаго).

¹⁾ Скончался въ Черниговѣ 10 августа 1866 года отъ холеры, архіепископомъ. Это извѣстный писатель Филаретъ Гумилевскій, авторъ обзора русск. духовн. литературы и другихъ капитальныхъ сочиненій.

А. Т.

²⁾ Евсевій Орлинскій, тулякъ, магистръ и іеромонахъ Московскій академіи 1832, инспекторъ Московск. сем. 1838, инспектор. Моск. Дух. академіи 1838, ректоръ моск. ак. 1841, епископъ Винницкій и ректоръ петербург. ак. 1847, еп. Самарскій 1850, архіеп. Иркутскій 1856, Могилевскій 1860, членъ Св. Синода 1878, уволенъ на покой 1882, сконч. 1883 г.

³⁾ Евлампій Пятницкій, ярославецъ, учился въ Москов. академіи, 1820 магистръ, 1822 постриженъ, 1826 инспектор. моск. акад., 1831 ректоръ Виванской сем., 1833 еп. Екатеринбургскій, 1840 Орловскій, 1844 Вологодскій, 1852 архіеп. Тобольскій, 1856 уволенъ на покой въ Свіяжскій Богород. мон., гдѣ и скончался 1862 г.

А. Т.

Этотъ меня принялъ очень ласково и повидимому мирился за прежнія противъ меня негодованія.

Изъ лавры черезъ Москву я поѣхалъ на свою родину къ родителямъ. Были рады безмѣрно. Отсюда ѣздили на Бородинскія поля къ игуменіи Маріи, тогда еще бывшей Маргаритою Михайловной Тучновой. (Она уже скончалась). Она приняла меня матерински. Я жалѣлъ, что взялъ съ собою спутникомъ двоюроднаго брата, Рузскаго священника Павла Матвѣевича. (Онъ уже скончался). Матери Маріи это было очень скучно.

У матери Маріи я видѣлъ барышню Маргариту. Это чудо красоты! Она мнѣ жаловалась, что и монастырь для нея шуменъ и ее развлекаетъ. Ей хотѣлось бы, по ея словамъ, удалиться туда, гдѣ бы нельзя было видѣть ни единого человѣка. Очень напряженно! Я ей посовѣтовалъ возвратиться въ міръ, идти замужъ и жить благочестно, смиривъ свой огонь умѣренностью наслажденій. Не знаю, по моему ли совѣту, но она скоро вышла изъ монастыря.

Здѣсь была еще барышня *Нельова* (я ее не видалъ). Она пришла въ монастырь. Съ жаромъ стала подвизаться. Потомъ стала критиковать порядки и поведеніе монахинь. Желчь ея время отъ времени усиливалась. Она стала приходить какъ бы въ бѣшенство и изрыгать хулу даже на святыню.

Ея братья просили моего совѣта. Я разспросилъ о ея воспитаніи и занятіяхъ. Мнѣ объяснили, что она воспитана по-европейски. Я сказалъ: «Возьмите изъ монастыря. Въ міръ она будетъ сносна». Ее взяли, и она опять пришла въ себя.

Итакъ, значить еще и нынѣ бѣсъ боится монастырей.

Я не могъ служить въ день Введенія во храмъ Божіей Матери (у себя въ селѣ). Родителямъ это было весьма прискорбно и для меня конфузно. Впрочемъ, я истинно не могъ служить.

Пріѣхавши отъ родителей въ Москву, я захотѣлъ видѣть брата ¹⁾, безъ меня сдѣлавшагося священникомъ. Онъ въ Бронницахъ, отъ Москвы 50 верстъ. Я уѣхалъ съ зятемъ Егоромъ Кирилловичемъ. Братъ былъ очень радъ. Довелось мнѣ у него быть 26 и 27 ноября. Последняго числа празднуется Знаменіе Пресвятой Богородицы,—храмъ на нашей родинѣ. Я хотѣлъ служить, но не могъ. Служилъ зять. Я служилъ только молебень.

Жена братнина, Марья Никифоровна, мною и сосватанная, простенькая, но умна, цѣломудренна и мужу своему совершенно предана. Мы отъ брата поѣхали въ Москву въ ночь и едва не замерзли. По русскому глупому обычаю мы всѣ были нетрезвы. Ночевали за 10 верстъ отъ Москвы.

Въ Москвѣ я заѣхалъ къ товарищу, діакону у Пятницы на Пятницкой, чтобы позавтракать и нанять ямщиковъ до Тулы. Съ этимъ товарищемъ (Сергѣй Никитичъ Извольскій ²⁾) я былъ хорошъ въ семинаріи.

Отсюда съ стѣсненнымъ сердцемъ, полуживой, я поѣхалъ на вольныхъ перемѣнныхъ въ Тулу.

(Здѣсь самые негодные ямщики! Я пріѣхалъ въ Тулу въ полночь 30 ноября. Слѣдовательно, ѣхалъ двое сутокъ съ половиной).

Въ городѣ Подольскѣ я отыскалъ дочь крестьянина Ильи Лаврентьевича Екатерину. Она здѣсь съ мужемъ; мужъ ея какой-то канцеляристъ. У этого крестьянина, учась въ Звенигородѣ, я стоялъ на квартирѣ. Тогда Екатерина была дѣвица. Она меня, какъ ребенка, любила за то, что я былъ послушенъ и иногда по ночамъ, когда она размышляла шелкъ, я ей сказывалъ сказки. Я подивился: она уже все потеряла, чѣмъ была дѣвушкою: стала толста, груба, съ морщинами. А ей тогда было только 31 или 32

¹⁾ Скончался въ маѣ 1854 года.

²⁾ Онъ давно скончался (16 января 1867).

года. Она ¹⁾ мнѣ удивительно была рада. Мужъ ея спалъ пьяный.

Въ Тулѣ меня давно ждали, даже перестали топить и мой комнаты. Я остановился у профессора Михаила Абрамовича Воскресенскаго ²⁾, моего друга и донья. (Онъ теперь вице-директоръ, служить въ Петербургѣ въ Канцеляріи оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода).

Профессора, большею частію, меня приняли съ непритворною любовью, какъ имъ уже знакомаго и, къ счастью моему, любимаго инспектора.

Не такъ однако принялъ ректоръ. Съ перваго раза онъ сдѣлалъ мнѣ довольно строгій выговоръ за промедленіе. (Оно отчасти справедливо). И вообще принялъ сухо.

Столь же холодно меня принялъ и преосвященный. Ему въ самомъ дѣлѣ трудно было растолковать мою обратную ссылку въ Тулу. А я не считалъ ни приличнымъ, ни нужнымъ изъяснить мои скорби отъ Новгородскаго ректора. Такъ я и остался оплеваннымъ. Было прискорбно; но что же дѣлать? нужно было покориться своей участи.

И съ здѣшнимъ ректоромъ я скоро столкнулся неприязненно. Вотъ исторія.

Послѣ рождественскаго экзамена, въ январѣ, ректоръ подалъ записку въ Правленіе, которою крайне безчестилъ профессоровъ, будто они и глупы, и лѣнивы, и въ заключеніе просилъ Правленіе принять мѣры къ вразумленію профессоровъ.

Эту записку онъ сначала показалъ мнѣ. Я пожалъ плечами и просилъ отца ректора оставить такіе обидные

¹⁾ Давно умерла (11 апрѣля 1867).

²⁾ Дѣйств. ст. сов., учился въ С.-Петербур. академіи; магистръ 1831 г., былъ учителемъ въ Тульск. семин., но въ 1838 г. перешелъ въ Петерб. чиновникомъ въ комисс. духовныхъ училищъ и въ 1839 г. въ канцелярію оберъ прок. Синода. Сконч. въ 1875 г., погребенъ на Александровскомъ кладбищѣ. Былъ добрейшій человекъ безъ всякаго тщеславія. Пользовался огромной популярностью.

суды о профессорахъ слишкомъ достойныхъ (они почти всѣ много лучше самого ректора).

Черезъ нѣсколько дней ректоръ потребовалъ меня въ Правленіе. Я пришелъ. Ректоръ сидитъ на своемъ мѣстѣ; передъ нимъ у конца стола стоятъ два профессора филосоіи: Матвѣй Даниловичъ Рудневъ ¹⁾ и Иванъ Михайловичъ Смирновъ; первый—магистръ 4 курса Петербургской академіи, второй—мой товарищъ. На тотъ разъ починяли судейскія кресла, повтому довелось и мнѣ стоять.

Нѣсколько времени я слушалъ самые отвратительные выговоры профессорамъ. Профессора бѣдняжки, опасаясь, конечно, потерять мѣсто (а они уже оба были священниками), оправдывались сквозь зубы, прося больше пощады.

У меня закипѣло сердце. Я началъ: «Напрасно, отецъ ректоръ, вы обижаете столь достойныхъ профессоровъ. Я ихъ почитаю; они годились бы и для академіи; ревность ихъ также очень извѣстна; они ее давно засвидѣтельствовали предъ архіереямъ, ревизорами и ректоромъ—предшественникомъ вашимъ. Правда, ихъ ученики не совершенны, но понятія о совершенствѣ относительны. При томъ, не все же зависитъ отъ одного профессора.»

Такія и подобныя рѣчи я проговорилъ ректору; онъ взбѣсился, бросился на меня: «что ты и кто ты? возмущилъ Новгородскую семинарію, оттуда высланъ, пріѣхалъ сюда — и здѣсь дѣлать то же; не много пожилъ, а ужъ надѣлалъ дурачествъ и безпокойствъ. Ты судья развѣ мой?»

Я, и опасаясь самъ за себя и видя, что съ изступленнымъ нечего говорить, замолчалъ.

Однако, записку его, потрактовавъ съ секретаремъ, вписалъ въ журналъ и въ резолюціи ее опровергъ. Секретарь отвезъ этотъ журналъ (онъ у меня цѣлъ) къ архіерею. Архіерей насъ помирилъ. Тѣмъ и кончилось дѣло.

¹⁾ Былъ ключаремъ Тульскаго собора,—† 1875 г.

Это—ректоръ Варлаамъ (нынѣ уже викарный епископъ Кіевскій ¹⁾). Онъ прежде былъ въ Виваніи инспекторомъ; оттуда инспекторомъ же былъ переведенъ въ Тулу, по выбытіи моемъ въ Новгородъ. А когда отца Стефана (его и моего Тульского ректора) взяли въ Казань, его сдѣлали ректоромъ въ Тулѣ, а меня изъ Новгорода послали на его мѣсто.

Съ отцомъ Варлаамомъ мы жили недолго. Въ маѣ или юнѣ 1834 года его перевели въ Воронежъ.

Передъ отъѣздомъ его случилась печальная исторія.

Архіерей для отпуска его и до пріѣзда новаго ректора прикомандировалъ въ Правленіе наше двухъ профессоровъ: Мерцалова и Руднева. Стали считать деньги; не оказалось цѣлой тысячи рублей. Рылись въ дѣлахъ; не нашли ничего, и бѣдняжка отецъ Варлаамъ принужденъ былъ внести больше трехсотъ рублей. Остальныя обязались внести мы, но обошлось кое-какъ безъ платежа.

По отбытіи ректора до пріѣзда новаго я остался старшій. Въ это время случилась страшная бѣда: семинаристы убили женщину.

Вотъ исторія.

Одинъ семинаристъ, бывши въ безчестномъ домѣ, не расплатился; онъ отдалъ въ залогъ фуражку. Не имѣя ли, чѣмъ ее выкупить, или просто къ безпутству прилагая дерзость, онъ подговорилъ товарищей человѣка два или три. Вошли въ этотъ домъ, потребовали фуражку; ее не даютъ. Завязалась драка; изъ дома она перешла на улицу.

¹⁾ Варлаамъ Успенскій, рязанецъ, сынъ протоіерея, поступилъ въ Московск. акад., гдѣ и постриженъ въ 1827 г., Магистръ и инспекторъ Виванской семин. 1828 г., ректоръ Тульской сем. 1833 г. и архимандритъ, ректоръ Воронежской сем. 1834 г., Курской 1837, епископъ Чигиринскій 1843, Архангельскій 1845, Пензенскій 1854, архіеп. Тобольскій 1862 г., уволенъ на покой въ Троицк. Бѣлогород. мон. 1872 г. Скончался 1876 г.

Семинаристы одолѣвали. Они напали на одного мѣщанина; начали бить. Услышала его жена и, жалѣя мужа, въ одной рубашкѣ выбѣжала, чтобъ отнять его. Одинъ изъ семинаристовъ ударилъ ее, и на эту бѣду ударъ былъ такъ золъ, что женщина пала бездыханна: злодѣй убилъ ее до смерти.

Полиція перехватала тотчасъ семинаристовъ. Попались между ними и невинные, которые послѣ были выпущены. Виновныхъ оказалось человѣкъ пять. Они всѣ отданы въ солдаты. (Отцы задарили судей, и слѣдствіе произведено легко).

Меня разбудили утромъ и возвѣстили сію страшную вѣсть. Здѣсь со мною буквально сбылась пословица: спалъ— да выпалъ.

Я перепугался ужасно, тѣмъ паче, что на сей разъ я былъ и ректоръ, и инспекторъ. Опасаясь, чтобы не лишиться всей службы, я написалъ письмо къ Маргаритѣ Михайловнѣ Тучковой, настоятельницѣ монастыря на Бородинскихъ поляхъ, и просилъ ее, чтобы она попросила митрополита Филарета пощадить меня. Добрая мать, прочитавъ письмо, тотчасъ съ своей запиской завернула его въ пакетъ и послала нарочнаго къ митрополиту въ Москву. Его не было въ Москвѣ: онъ былъ въ Лаврѣ. Посланный отправился туда. Митрополитъ, прочитавши мое письмо, написалъ Тучковой, чтобы она успокоила меня. «Эго дѣло такъ важно, что Никодимъ малъ для отвѣта за него. Ему нечего бояться. Если что будетъ, то развѣ архіерею». Тутъ же митрополитъ подивился моею судьбѣ и сказалъ: «Изъ Новгорода его отвели отъ бѣды будто для того, чтобы его нашла другая бѣда въ Тулѣ». Получивъ письмо отъ митрополита, Маргарита Михайловна того же своего дворецкаго отправила съ отвѣтомъ митрополита ко мнѣ въ Тулу. Вотъ добрая мать! Я подивился ея добродѣтели.

Дѣло и въ самомъ дѣлѣ кончилось такъ, что меня вовсе и не коснулось.

На мѣсто отца Варлаама произведенъ въ ректора отецъ Никонъ, бывшій инспекторъ въ Перми. Это мой товарищъ и не изъ бойкихъ. Сказать правду, мнѣ было это скучно; но я вспомнилъ, что есть Богъ и Его Промыслъ благій, успокоился и приготовился держать себя, какъ можно кротче, такъ, чтобы мой ректоръ видѣлъ, что я забываю свое товарищество съ нимъ. Даже это было мнѣ искушеніе и въ другомъ смыслѣ: этого отца Никона, когда мы еще были въ академіи, я ненавидѣлъ за его лицемерство и ябедничество. Я боялся, какъ бы онъ не сталъ еще мстить. Однако онъ такъ глупъ не былъ.

Въ семь году случились въ Тулѣ два великіе пожара, коиъ я обоихъ былъ очевидцемъ.

Первый пожаръ былъ 29 іюня въ первомъ часу дня.

Онъ начался отъ дома купца, въ которомъ былъ свѣч-ной заводъ (кажется восковыхъ свѣчъ), въ лучшей части города, и пошелъ отъ завода на востокъ по самому центру Тулы. Пространство, по которому прошелъ пожаръ, полагаю, будетъ до четырехъ верстъ въ длину и съ версту поперекъ. На семь пространствъ разрушено все: двѣ церкви сгорѣли, три или четыре обгорѣли, гостинный дворъ и всѣ другія лавки около крѣпостной стѣны, ружейный заводъ, вся Милліонная улица сгорѣли начисто.

Въ этотъ день былъ довольно сильный вѣтеръ; но съ того времени, какъ начался пожаръ, вѣтеръ обратился въ страшную бурю и зажигалъ дома за одинъ разъ въ десяти мѣстахъ, иногда на большихъ разстояніяхъ.

Изъ любопытства я тотчасъ, лишь завидѣлъ пожаръ, пріѣхалъ къ его мѣсту. Съ перваго раза меня объялъ ужасъ: я увидѣлъ цѣлую улицу направо и налѣво сливающуюся въ огненную рѣку. Люди тѣснятся, кричатъ, бѣгаютъ, плачутъ, несутся съ пожитками, бросаютъ; иные въ однихъ рубашкахъ обгорѣлые.—Это ужасъ! Завидѣвши, что къ одной церкви подходитъ пожаръ, я получилъ ка-

кую-то ревность побывать въ перкви и спасти, что есть и что можно.

Вбѣжалъ. Въ ней бѣгаетъ народъ, выставляютъ иконы, выламываютъ царскія врата. Я пожалѣлъ, просилъ не трогать, ибо ломали, а не спасали. Въ алтарѣ уже все убрано; я не нашелъ ничего. Пошелъ въ трапезу; тутъ разложенъ новый иконостасъ,—я видѣлъ, что его уже некогда спасать.

Потомъ слышу, кричатъ: «Народъ, выходи! загорѣлась перковь». Оглянулся — не вижу никого. Посмотрѣлъ въ западныя двери, вижу: огонь холстомъ бьетъ въ двери и сію минуту проникнетъ въ перковь. Я испугался, побѣжалъ въ сѣверныя двери (въ которыя вошелъ), выбѣжалъ на крыльцо; страшный жаръ, у меня затрещали волосы.—Сушая ночь! черный дымъ, и всюду крутится языками пламя. Я ужаснулся. Не знаю, куда бѣжать (къ несчастію, я даже не зналъ мѣстности вокругъ сей перкви). Однако каждое мгновеніе было дорого. Перекрестился, подобралъ полы и между огнями пробѣжалъ на улицу, гдѣ еще не горѣло. Одинъ Богъ спасъ меня. Къ счастію, на мнѣ была шелковая ряса; она только съежилась отъ жара. Если бы была бумажная, вѣрно вспыхнула бы, и я конечно сгорѣлъ бы.

Былъ и еще случай. Я стоялъ у Воздвиженской перкви и смотрѣлъ, какъ огонь сокрушаетъ домъ гимназіи и еще нѣсколько домовъ около, а еще болѣе ужасался, какъ закрадется огонь въ гостинный дворъ (онъ уже былъ близъ огня). Я стоялъ за алтаремъ, слѣдовательно въ затишья (бура была съ запада). Потомъ, любопытствуя, я отдалился отъ алтаря столько, что сталъ на струѣ бури. Это уже было близъ горящихъ домовъ. Мнѣ стало невыносимо жарко. Я хотѣлъ отойти, повернулся назадъ... бура меня несетъ въ огонь. Сдѣлаю шагъ впередъ, а два назадъ. Боже мой! Я ужаснулся. Что же вздумалъ? Я легъ и ползкомъ проползъ саженой пять, чтобы добраться до затишья, и тѣмъ во второй разъ спасся.

Быль и третій случай. Вечеромъ, когда уже гостинный дворъ догоралъ, я пошелъ еще посмотреть на пожаръ; сталъ вмѣстѣ съ толпой народа въ сѣверныхъ воротахъ крѣпости. Противъ насъ церковь Казанской Божіей Матери. Ея огромная колокольная загорѣлась. Мнѣ хотѣлось дожидаться, пока обгорятъ перекладыны, на которыхъ висятъ колокола, и посмотреть, какъ они будутъ падать.

Выйти совсѣмъ изъ воротъ было нельзя: жарко. Мы стояли въ самыхъ воротахъ. Пождавъ немало, я соскучился и рѣшился уйти. Что же? Лишь только я сошелъ съ мѣста, на него сталъ какой-то мальчикъ лѣтъ 12 въ рубашкѣ. Слышу, что-то упало, и мальчикъ упалъ и закричалъ прегалобно. Я обернулся и вижу: кровь ручьями лить изъ головы мальчика. Что такое? — Надъ воротами карнизъ изъ бѣлаго камня; онъ раскалился отъ жара, переломился и сталъ отваливаться. Одинъ изъ сихъ-то обломковъ и упалъ на голову мальчика. Бѣдняжка! вѣдь его ояъ убилъ до смерти.

На другой день профессоръ-священникъ, похоронившій его, рассказалъ мнѣ этотъ случай, не зная, что я былъ ему очевидецъ. Чудная милость Божія! Подождалъ бы я одно мгновеніе, — и этотъ обломокъ можетъ-быть также сокрушилъ и мою голову.

Теперь скажу о чудесахъ Божіихъ въ этотъ пожаръ.

1) Надъ тѣми вратами крѣпости, гдѣ я стоялъ, и гдѣ убило мальчика, висѣлъ образъ Божіей Матери—Знаменія, въ кіотѣ за стекломъ. Онъ остался цѣлъ и съ кіотомъ; даже стекло уцѣлѣло. Между тѣмъ тутъ же лавки и часовня справа у воротъ сгорѣли, и все украшеніе растопилось и смѣшалось съ землей.

2) Никольская церковь, что за рѣкою, уцѣлѣла со всею своею окрестностью, тогда какъ пожаръ былъ съ трехъ сторонъ. Это оттого, что благочестивое духовенство обошло съ иконами вокругъ своего мѣста. По крайней мѣрѣ иной причины нѣтъ.

3) Но всего поразительнѣе были чудеса Божіи въ Воз-

несенской церкви. Она двухэтажная. На второй этажъ входъ снаружи. Онъ-то первый и загорѣлся. Окна въ церкви съ рѣшетками. Слѣдовательно, когда загорѣлся входъ въ церковь, въ нее проникнуть ни откуда было невозможно. Притомъ, при сильной бурѣ, пожаръ истреблялъ въ нѣсколько минутъ огромныя зданія. Итакъ эта церковь сгорѣла начисто. Но что же послѣ въ ней найдено? Вотъ что: а) икона великомученицы Екатерины, стоявшая лицомъ на западъ, на лѣвомъ отъ входа внутреннемъ столбѣ, осталась невредимою; даже огромный кіотъ ея и со стекломъ, подсвѣчникъ и паникадило, и лампадка передъ нею, даже ленточка, на которой висѣла лампадка, все цѣло.

Между тѣмъ огонь вошелъ въ церковь съ крыльца въ два окна западныя—направо и налѣво отъ желѣзныхъ дверей, а столбы прямо стоятъ противъ сихъ оконъ. Притомъ, икона Божіей Матери на правомъ столбѣ, стоявшая въ параллель иконѣ великомученицы Екатерины и въ такомъ же положеніи, истреблена начисто. Остался одинъ гвоздь въ столбѣ, который поддерживалъ кіотъ.

И что еще удивительно? какъ на самой иконѣ, такъ на кіотѣ и на всѣхъ частяхъ его остались слѣды прикосновенія огня, дабы дать знать, что точно была сія икона въ пожарѣ.

Икона сія писана живописно. Это было поучительнымъ урокомъ для тульскихъ раскольниковъ.

Когда сіе сдѣлалось гласнымъ, народъ потекъ отовсюду. Стали служить молебны день и ночь. Доходы въ церкви и для причта удесятирились, такъ что въ нѣсколько лѣтъ успѣли опять отлично возобновить всю церковь и именно на сіи доходы.

Что далѣе? какъ только кончилось возобновленіе храма, икона сія сгорѣла. Дьячокъ по неосторожности позабылъ погасить передъ нею свѣчу. Догорѣла свѣча и зажгла образъ. И что удивительно: только этотъ образъ и сгорѣлъ, прочее въ церкви цѣло.

Не виденъ ли здѣсь перстъ Божій? Сдѣлано чудо на время, потомъ прекращено, когда достаточно уроковъ, и убытки вознаграждены, и, вѣроятно, открылись корыстолюбіе и безпечность въ причтѣ.

б) Еще чудеснѣе случай въ алтарѣ. Иконостасъ уже не существовалъ; нѣтъ и знака даже паникадилъ, подсвѣчниковъ и прочей утвари церковной. Но что? а) на мѣстѣ престола, на коемъ стояло два или три огромныя въ окладѣ Евангелія, два или три креста, большой ковчегъ, и которые всѣ истреблены такъ, что все расплавилось и перемѣшалось съ отпадной со стѣнъ штукатуркой, — здѣсь однако найденъ невредимымъ ковчегъ, или дароносица, съ 84-мя частицами тѣла и крови Христовой, которыя также невредимы; даже я нашелъ нѣсколько уплѣвшихъ доскутовъ полотна, вѣроятно отъ срачицы съ престола.

б) На мѣстѣ жертвенника въ грудѣ напавшей штукатурки также найдены сосуды со всѣмъ ихъ приборомъ (въ которыхъ въ тотъ день совершалась служба), даже цѣла губка, бывшая въ потирѣ, деревянное древко копія уплѣбло. Только опять, въ знакъ пожара, каждая вещь гдѣ-нибудь немножко тронута огнемъ.

Между тѣмъ лучшіе сосуды, стоявшіе въ глухой нишѣ, сдѣланной въ стѣнѣ, закрытые желѣзной дверкой въ томъ же алтарѣ, растопились.

Столько чудесъ въ одной церкви! Признаюсь, я не могъ быть здѣсь безъ слезъ.

Странно! Преосвященный не разсудилъ о семъ донести Синоду изъ опасенія, какъ бы Синодъ не взыскалъ съ него за то, что онъ не принялъ средствъ спасти если не церковь, то ея утварь!

Такъ это дѣло и доселѣ не имѣетъ официальной гласности.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЗАПИСКИ ПРЕОСВЯЩЕННОГО НИКОДИМА, ЕПИСКОПА ЕНИСЕЙСКАГО И КРАСНОЯРСКАГО ¹⁾).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Второй пожаръ былъ 5 сентября и совершенно въ то же время, именно въ первомъ часу дня.

И въ это время былъ тоже сильный вѣтеръ, который отъ пожара также превратился въ сокрушительную бурю.

На этотъ разъ вѣтеръ былъ съ сѣверо-востока. Пожаръ начался съ перваго, уцѣлѣвшаго отъ прежняго пожара, дома и пошелъ на юго-западъ, расширяясь безпрестанно. Вбѣжавъ на третій этажъ семинарскаго дома, я увидѣлъ, что огонь идетъ широкой полосой прямо на нашу семинарію. Потеря семинаріи казалась неизбѣжною. Ректоръ меня просилъ хладнокровно и обдуманно распорядиться и возможнымъ спасеніемъ семинарскихъ зданій и сохраненіемъ имущества, наипаче церковныхъ вещей, библіотеки и правленскаго архива, а по возможности и самой семинарской мебели и всего скарба.

Семинаристы тотчасъ сдѣлали все: выбрали библіотеку и положили въ повозки, вынесли церковную утварь, образа и прочее, вытаскали архивъ и даже постели свои.

Къ сѣверной сторонѣ къ семинарскому корпусу придѣланы были въ три этажа огромныя деревянныя мѣста. Отсюда и была главная опасность.

¹⁾ Продолженіе. См. октябрьскую книжку *Душен. Чт.* 1911 г.

Буря сорвала рамы въ корпусъ и ревѣла всюду. Головки огненные летали и садились вездѣ, пролетали въ комнаты и корридоры. Слава Богу! На тотъ разъ у насъ гостилъ только кончившій курсъ въ академіи кандидатъ Данилъ Герасимовичъ Геденовъ. Онъ и распоряжался гашеніемъ головней.

Черезъ полчаса, когда пожаръ былъ уже отъ насъ въ ста или менѣ саженьяхъ, уже не оставалось возможности быть близъ семинаріи: жаръ сдѣлался невыносимый, и палящій дымъ съ горячимъ пепломъ осыпалъ съ ногъ до головы; мы задыхались. Было опасно, какъ бы не загорѣлось на комъ-нибудь платье, потому что огненные искры и цѣлыя головки падали на насъ. Въ эти минуты я вбѣжалъ въ семинарскую церковь. Тутъ выставляли иконы. Я съ отцомъ экономомъ іеромонахомъ Анастасіемъ взялъ храмовой образъ Пресвятой Троицы. Снесши внизъ икону, мы по взаимному согласію рѣшились обнести сію икону вокругъ нашей земли. Едва могли пронести: волосы трепщали, платье дымилось, мы задыхались. Однако обнесли полукругомъ и именно съ тѣхъ сторонъ, откуда шелъ пожаръ. Въ это время у меня лились слезы ручьями. Между тѣмъ уже стали загораться сосѣдніе дома. Сдѣлалась сущая ночь. Только видно, пламя багровыми языками вертѣлось въ воздухъ и казалось уже било въ окна нашей семинаріи. Съ минуты на минуту я ожидалъ, какъ вспыхнетъ наша семинарія. Слышу, въ верхнемъ этажѣ поднялся страшный крикъ: «загорается семинарія!» Мы пали въ молитвѣ на колѣни. Усердные семинаристы, до тѣхъ поръ стоявшіе въ окнахъ съ шайками воды, опасаясь сгорѣть сами, большею частію разбѣгались. Остался только Данилъ Герасимовичъ Геденовъ, — спасибо ему. Ну что же? Лишь мы обнесли икону вокругъ семинаріи, поставили ее въ саду и пали на колѣни въ молитвѣ, вѣтеръ потянулъ прямо на югъ, и на дворѣ семинарскомъ сталъ очищаться воздухъ, и опасность сдѣлалась легче.

Это мнѣ было вновь чувствительно до слезъ. Плакала и другіе отъ радости.

Наконецъ, когда уже все имущество было убрано, и распоряженія наши кончились, а между тѣмъ и опасность стала отдаляться, мы собрались къ опаснѣйшему пункту, именно къ углу сѣверной части нашей земли.

За нами черезъ дорогу на углу былъ большой старинный купеческій домъ. Онъ загорѣлся. Загорѣлись на дворѣ и дрова, около 50 сажень.

Пламя заревѣло и устремилось прямо на семинарію. Мы ужаснулись. Однако между домомъ и семинаріей кромѣ дороги былъ еще садъ довольно высокій. Пламя начало бить въ садъ и здѣсь исчезло. Мы отдохнули.

Но при домѣ сего купца на дворѣ былъ преогромный деревянный сарай, наполненный пенькою. Наши опасенія усилились. Думали, что, если загорится сей сарай, семинаріи нѣтъ спасенія, тѣмъ паче на чертѣ семинарской земли по сѣверной ея части стояло до 100 сажень березовыхъ дровъ. Разметать ихъ не было ни времени, ни людей. А если бы они загорѣлись, то гибель семинаріи рѣшительно неизбежна.

По единой покровительствующей милости Божіей, истиннымъ чудомъ, сарай съ пенькою, даже не будучи отстаяемъ, не загорѣлся, и семинарія наша спасена.

Но опасность все же не миновала. Западная лицевая сторона семинаріи съ часу на часъ приходила въ большую опасность. Противъ нея вся линія домовъ вдругъ обнялась пламенемъ, и около получаса мы снова ежеминутно трепетали за семинарію.

Но что же? И это прошло безвредно. Такимъ образомъ семинарія, по моему разумѣнію и вѣрѣ, чудеснымъ милосердіемъ Божіимъ спасена!

(Пишу 1 января 1844 года въ Одессѣ).

Сей второй пожаръ истребилъ оставшуюся было порядочную часть Тулы. Послѣ сихъ двухъ пожаровъ осталось только: Чулково, огромное поселевіе ружейниковъ, все бѣдныяковъ, такъ называемый уголь на Хопрѣ, тоже бѣдный, дворянскія улицы, тоже плохое зданіе. Словомъ, Тула

сгорѣла, осталась Тульская деревня. Было жалостно. Нѣсколько семействъ потерпѣли въ оба пожара. Въ первый — сгорѣли ихъ дома, часть имущества и прочее. Послѣ него они перешли на квартиры въ уцѣлѣвшіе дома; второй пожаръ истребилъ и сіи. И миллионеры сдѣлались въ полномъ смыслѣ нищими.

Сіи зрѣлища столь поразительны, что я не могу забыть ихъ во всю жизнь.

Тутъ было столько трогательныхъ сценъ, что нельзя безъ жалости и вспомнить. Напримѣръ, на первомъ пожарѣ: когда я бродилъ по улицамъ около пожара, со мною встрѣчается купеческая жена Виневитинова съ двумя дочками дѣвками. Этотъ домъ мнѣ знакомъ. Что же я вижу? Мать несетъ курицу; одна дочка подушку, насыпанную пескомъ (что употребляется при шитьѣ), другая рѣшету худое. Можно бы смѣяться, но я увидѣлъ, что онѣ вѣя себя. Спрашиваю: «Цѣлъ ли вашъ домъ»? — Горить. — «Спасли вы изъ него что-нибудь»? — Все, — и показываютъ, что у нихъ въ рукахъ.

Послѣ я узналъ, что онѣ это только и спасли. Прочее или погибло въ пожарѣ, или пропало. У нихъ былъ огромный сундукъ съ столовымъ серебромъ; къ нимъ набѣжали неизвѣстные, — они отдали имъ этотъ сундукъ, будто своимъ, и — это пропало.

На другой улицѣ вижу знакомаго же купца. Онъ спокойно сидитъ на раздвижномъ лавочномъ стулѣ среди мостовой и будто любитъ зрѣлищемъ всесокрушающаго пожара. Это уже было недалеко отъ его собственнаго дома. Я спросилъ: «Позаботились ли вы о спасеніи имущества вашего изъ дома»? — Да для чего это? «Помилуйте, вѣдь стремленіе пожара на вашъ домъ; не пугаю васъ, но вы въ рѣшительной опасности». Однако этотъ несчастный остался глухимъ къ моимъ рѣчамъ. Я догадался, что онъ потерялся.

Менѣе, нежели черезъ четверть часа, огненное море достигло точно до дома несчастнаго, и у него сгорѣло все до тла.

Со мною было нѣсколько семинаристовъ. Я хотѣлъ было кое-чѣмъ помочь. Но видя суматоху и безумство тысячъ пьяницъ, я отклонился. Съ стѣсненнымъ сердцемъ я смотрѣлъ, какъ бездѣльники изъ второго этажа выбрасывали мебель, зеркала и прочее на мостовую, будто спасая. Другіе мерзавцы фарфоровую и хрустальную посуду выносили изъ магазина охапками и бросали, какъ дрова, на мужицкую телегу. Я не утерпѣлъ и говорю: «Безумные! вѣдь вы ничего не спасете; кладите бережливо». Свиристый тулякъ, изстуженный отъ вина, только поскрежеталъ на меня зубами, и я принужденъ былъ удалиться.

Видѣлъ молодую женщину или дѣвицу, пораженную пламенемъ. Одинъ бокъ ея сгорѣлъ, на другомъ клочьями висѣло платье. Она кричала и просила себѣ смерти.

Близъ нашей семинаріи былъ домъ богатаго купца Москатинова. Домъ пышный, каменный, двухъэтажный; кругомъ его лачужки; онѣ уже догорали. Домъ купца былъ цѣлъ. Пожаръ уже ослабѣлъ; его домъ легко было спасти. Хозяинъ стоялъ среди мостовой, сложа руки и дожидаясь, пока загорится домъ. Вызывались желающіе спасти его. Онъ просилъ не трогать, и домъ сгорѣлъ.

Всего въ сѣи два пожара сгорѣло до 2000 домовъ, и половина изъ нихъ каменные.

Въ то время сильно говорили, что Тулу зажгли поляки. Можетъ быть! Однако не открыто ничего. Одинъ дворянинъ вызвался было это доказывать, однако не доказалъ и едва спасъ себя отъ четвертованія. Впрочемъ замѣчательно, что въ этомъ году во всей Россіи были страшные пожары. Въ Москвѣ ихъ было нѣсколько и довольно большихъ. Тамъ страхъ и опасеніе поджигательства достигъ до того, что жители имѣли на случай все въ сборѣ и запряженныхъ лошадей.

Въ послѣдній пожаръ мнѣ было жалъ бѣдняжекъ тульскихъ семинаристовъ, которые жили на квартирахъ. Они только что собрались изъ домовъ послѣ вакаціи; навезли разной провизіи. Квартиры ихъ всѣ сгорѣли, и они не

могли спасти ничего. Просили помощи у насъ въ Правленіи. Ректоръ не умѣлъ помочь, и они должны были терпѣть горе вмѣстѣ со всей Тулой. Да и квартиры вздорозжали вдесятеро,—бѣда къ бѣдѣ!

Въ первый пожаръ сгорѣлъ домъ (только что купленный) и почти все имущество у одного изъ старшихъ и лучшаго профессора семинаріи—протоіерея Михаила Петровича Мерцалова. Бѣдняжка! Съ семействомъ онъ остался безъ крова, безъ имущества и почти безъ насущнаго хлѣба. Въ 1831 году въ концѣ іюля я у него крестилъ дочку, Дуняшу ¹⁾ (она жива; я ее видѣлъ въ 1841 году въ проѣздъ изъ Петербурга въ Одессу. Ей тогда было 10 лѣтъ, но она казалась почти невѣстою). Слѣдовательно, онъ мнѣ былъ кумъ. Изъ состраданія я отдалъ ему свою семинарскую квартиру, очень изрядную, а самъ помѣстился въ маленькой комнатѣ, бывшей незанятою, рядомъ съ ними. Это было для нихъ дорого; они умѣли это чувствовать и цѣнить.

Правду сказать, что мнѣ стоило это порядочной скорби, но Господь все покрываетъ своимъ милосердіемъ.

Въ свободное время отъ ученія, въ праздникъ Рождества Христова, я рѣшился съѣздить въ Воронежъ поклониться угоднику Божію святителю Митрофану. Это было мое давнишнее желаніе. Я полагалъ, что ближе, какъ изъ Тулы, мнѣ будетъ не откуда совершить свое путешествіе. До лѣта я не хотѣлъ откладывать, опасаясь, какъ бы меня не перевели куда-нибудь изъ Тулы (какъ это и случилось). Спасибо Тульскому владыкѣ, онъ отпустилъ безъ труда.

Для сбереженія расходовъ я поѣхалъ до Новосиля (городъ Тульской губерніи) съ однимъ священникомъ, пріѣхавшимъ за сыномъ.

Священникъ этотъ вдовый изъ села *Прудова*, человекъ еще молодой, умный и бравый. Съ нимъ мы пріѣхали въ его село наканунѣ Рождества Христова передъ вечеромъ.

¹⁾ Она скончалась дѣвицею 15 лѣтъ.

Его встрѣтили двѣ премиленькія дочки (старшей было лѣтъ 7), сиротки. Мнѣ было ихъ ужасно жаль. Огепь, взглянувъ на нихъ, заплакать.

Онъ оставлялъ меня у себя ночевать и съ нимъ отслужить въ праздникъ; мнѣ хотѣлось уѣхать въ монастырь, гдѣ и училище наше, и тамъ отслужить. Я и настоялъ на своемъ. Поѣхалъ (будетъ верстъ 10); пріѣзжаю. Смотрителя училищъ нѣтъ. Слѣдовательно, мнѣ негдѣ и ночевать. Подумалъ и поворотилъ опять въ село Пруды. Пріѣхалъ туда уже поздно ночью. Однако на праздникъ служилъ и былъ весьма радъ.

Въ этомъ селѣ помѣщикъ. Онъ былъ у обѣдни, и дуракъ меня къ себѣ не пригласилъ, а я не навязался.

Между тѣмъ, по рѣчамъ священника, этотъ помѣщикъ почитается очень религіознымъ. Признаюсь, я сомнѣваюсь.

Первый день праздника, кажется, я провелъ у этого священника въ Прудахъ. Онъ былъ вѣжливъ и непритворно радушенъ.

На другой день я отправился въ Новосиль (верстъ 10) для найма извозчика до Воронежа.

Сперва я пріѣхалъ къ тамошнему протоіерею, котораго сынъ предурно учился и былъ притомъ шалунъ, однако по моему ходатайству принять въ private въ словесность. Протоіерей ужасно подобострастенъ: принялъ меня, какъ патріарха, потчевалъ меня и служилъ мнѣ наймомъ извозчика.

Я нанялъ извозчика, на тройкѣ, до Воронежа (Онъ меня и изъ Воронежа довезъ до Ефремова).

Со мною былъ семинаристъ богословъ Николай Логачевъ (теперь онъ діакономъ въ Тулѣ). Мы поѣхали хоть большой, но вовсе безлюдной дорогой на Ливны. Огъѣхавъ одну станцію, ночевали въ степи на какомъ-то постояломъ дворѣ. Тутъ была бездна проѣзжихъ мужиковъ. Ихъ мокрыя онучи, лапти, шубы, кафтаны, собственная прѣлость и гнилые газы, притомъ холодная, огромная какъ сарай изба—меня измучили. Хотя я не нѣженъ, но такой

толстой грубости уже не могъ перенести равнодушно. Однако легъ, уснулъ немножко и опять въ путь.

На ночлегъ—маленькая исторія. Мы уже легли, дурной ночникъ горѣлъ мертво; я не спалъ; болѣзненно мяукала кошка. Послѣ долгихъ ея стоновъ хозяинъ всталъ, хотѣлъ ее выгнать; она, какъ доска, стоитъ на одномъ мѣстѣ. Хозяинъ жалобно сказалъ: «Она умираетъ». Толкнулъ ее еще разъ, два туда-сюда; она какъ доска. Она точно умирала. Хозяинъ взялъ и выбросилъ ее на морозъ, гдѣ она вѣрно и умерла. Мнѣ было ужасно ее жалъ.

Утромъ мы поѣхали далѣе. По причинѣ дурной дороги и страшной мятели, которая въ степи ужасна, мы не доѣхали до Ливенъ. Ночевали въ какомъ-то селѣ огромномъ, выстроенномъ циркулемъ; въ срединѣ церковъ. Мы едва отыскивали ночлегъ уже въ концѣ села, на скатѣ горы, у бѣднаго однодворца. Старикъ ужасно былъ мнѣ радъ; бесѣдовалъ со мною о предметахъ душеспасительныхъ до полуночи; старался мнѣ угодить всячески, называя меня *«Ваше превелебіе»* (это я въ первый разъ услышалъ). Однако претѣсная и предурная хижина, безъ полу, на голой землѣ, гдѣ вмѣстѣ съ людьми живутъ куры, индюшки, утки, гуси, телята, поросята, собаки—такая квартира для меня безъ привычки была сущая мука. Духота, вонь, сырость, холодъ — все меня мучило. У старика порядочное семейство: старуха, сынъ съ женою и съ тремя или четырьмя дѣтьми; притомъ насъ съ извозчикомъ трое. Это ужасно. Мнѣ дали первое мѣсто, то-есть у дверей, гдѣ у нихъ обыкновенно образа. Однако, намерзши въ дорогѣ, подъ теплымъ тулупомъ я уснулъ.

Путру собрались ѣхать. Бѣда! нельзя выѣхать со двора: выѣздъ занесло снѣгомъ вровень съ крышей. Я не повѣрилъ было извозчику, вышелъ посмотреть и ужаснулся. Сущая гора снѣга, и вплоть засыпаны ворота. Мнѣ показалось, что до полудня не разбросать снѣга, однако черезъ часъ расчистили, и мы поѣхали.

Къ вечеру мы пріѣхали въ Ливны. Сначала, со вѣзда

этотъ городъ мнѣ показался деревнею: убогія хижины крытыя соломой. Но когда въѣхали въ средину, я увидѣлъ очень изрядный городъ. Около собора гостинный дворъ, славно выстроенный, каменный, и кругомъ площади очень изрядные двухъэтажные каменные дома. Городъ большой. Мы тутъ остановились не на дворѣ, а на площади. Тутъ я купилъ бутылку Сен-Жулье и булку, и поѣхали далѣе.

Тутъ я увидѣлъ на модныхъ дворянскихъ саняхъ протоіерея на бѣлой славной лошади. За нимъ на запяткахъ, вродѣ лакея, діаконъ съ крестомъ и Евангеліемъ подъ мышкой въ футлярѣ. Это сдѣлало мнѣ лихорадку. Какъ! надменный протоіерей—кто бы онъ ни былъ—поставилъ діакона лакеемъ, у котораго притомъ крестъ и Евангеліе! Это польское чванство! Тутъ я впервые эту спѣсь увидѣлъ (теперь уже наглядѣлся слишкомъ. 4 января 1844 года). Мнѣ было ужасно досадно.

Городъ Ливны стоитъ при рѣкѣ Соснѣ (впадаетъ въ Донъ), которая обтекаетъ городъ съ южной стороны.

Мы въѣхали съ сѣвера. Когда я проѣхалъ городъ и переѣхалъ черезъ рѣку, Ливны мнѣ показались прекраснымъ городомъ. Отсюда онъ съ лица. Прекрутой—саженъ въ 20—берегъ, и на немъ городъ; очень красиво.

Рѣка довольно порядочная, саженъ въ 50, можетъ быть и болѣе (Позабылъ сказать о Новосилѣ. Это маленькій степной городъ, однако съ прекраснымъ рынкомъ. Съ сѣвера къ нему подъѣзжаешь на легкой холмъ. Но съ юга онъ на высокой горѣ и тоже, какъ Ливны, при рѣчкѣ съ юга; (ее зовутъ *Душа Зѣша*); она проходитъ до Мценска и затѣмъ впадаетъ въ Оку). Довольно красивъ и этотъ городокъ. За городомъ къ югу, на скатѣ горы, большая слобода, называется *Стрѣлецкою*. Это было для меня занимательно. Я сталъ спрашивать у отца моего ямщика, старика, не помнитъ ли онъ чего. Онъ мнѣ растолковалъ, что ихъ сюда поселилъ Петръ Великій изъ Москвы, и они доселѣ имѣютъ какія-то особыя права. Хитеръ былъ Петръ и дальновиденъ!—Мятежную сволочь избаловалъ.

ванную отбросилъ отъ столицы, однако поселилъ на границахъ Россіи, чтобы имѣть ихъ защитниками; а чтобы не жаловались, поселилъ въ прекрасныхъ плодородныхъ степяхъ.

Еще о монастырь Новосилскомъ.

Онъ отъ Новосиля верстахъ въ пяти, при огромной слободѣ, на превысокой горѣ съ юга. Очень красиво мѣстоположеніе, и церкви хороши. Училища деревянныя у стѣны монастыря. Когда я походилъ около нихъ, мое сердце стѣснилось отъ воспоминанія двухъ жалкихъ жертвъ, здѣсь погибшихъ въ мое время. Игуменъ Августинъ потерялъ все, даже монашество; еще едва ли не попалъ въ солдаты. Это ужасно. А видныхъ большихъ преступленій, кажется, немного. Волокитство его съ какою-то женщиною и задержка полугодового оклада училищъ—вотъ два дѣла, которыя знаю. Мнѣ его ужасно жаль.

Другая жертва—Сила Астринъ—преемникъ смотрительства послѣ Августина. Бѣдняжка! Онъ зарѣзался.

Возвращаюсь къ своему путешествію.

Изъ Ливнъ мы выѣхали уже вечеромъ и пріѣхали ночевать въ огромное и богатое село, состоящее изъ одnodворцевъ. Мы ночевали у богатаго одnodворца. Здѣсь бывший въ гостяхъ одnodворецъ, среднихъ лѣтъ съ бритой бородой, разговорился со мною; слишкомъ не дуракъ; имѣетъ 500 десятинъ земли и своихъ крестьянъ. Онъ мнѣ показалъ грамоту на дворянство. Предокъ его былъ полковникомъ при Петрѣ Великомъ. Вратъ нынѣшняго служить въ Петербургѣ. Эти одnodворцы живутъ счастливо и, сколько я замѣтилъ, хороши въ вѣрѣ и нравственности.

Тутъ мнѣ рассказали ужасную исторію. За нѣсколько мѣсяцевъ до меня здѣсь проѣзжалъ въ Воронежъ богатый еврей съ семействомъ. Везъ ямщикъ изъ Ефремова. Злодѣй! Онъ убилъ этого еврея и все его семейство. Замысливъ злодѣяніе, онъ остановился ночевать въ степи, на постояломъ дворѣ, который одинъ только и есть; подговорилъ

въ товарищество хозяина постоялаго двора, колебавшагося долго, но угрозами приведеннаго къ согласію. Еврея и жену его изрубили тотчасъ топорами. Дѣвочка лѣтъ 11-и, дочка ихъ, вырвалась и убѣжала въ поле; за нею долго гнались, настигли и изрубили. Не знаю какъ, но исторія открылась, и злодѣй пойманъ.

Я проѣзжалъ этимъ мѣстомъ съ величайшимъ ужасомъ, хотя насъ было трое.

Постоялый дворъ этотъ разметанъ, валяются только бревна.

И точно ужасное мѣсто. Голая степь. Верстъ 12 назадъ и верстъ 8 впередъ нѣтъ ни малѣйшаго жилья. Злодѣянія возможны.

На пути намъ былъ еще городъ *Землянкъ*. Маленькій и небогатый городокъ, а стоитъ красиво, на скатѣ высокой горы къ сѣверу. Мы проѣхали его днемъ, не останавливаясь. Здѣсь, между симъ городомъ и Воронежемъ, мы, конечно, ночевали, но уже я не помню мѣста. Передъ Воронежемъ мы проѣхали прекрасное село, называемое *Яндовище*. Стоитъ на превысокой и равномѣрно овальной горѣ; съ сѣверовостока небольшая рѣчка. На самой высотѣ горы огромная полузругомъ площадь; среди нея во всей красотѣ важная каменная церковь. Дорога опоясываетъ сію гору, постепенно поднимаясь. Отличный видъ сего села, и село богатое.

За симъ селомъ тотчасъ спускъ, впрочемъ, отлогіи подъ гору, и предъ нами славная рѣка *Донъ*. Я переѣхалъ ее съ какимъ-то благоговѣніемъ и съ полной грудью чувствъ, какихъ не умѣю сказать.

Мы уже были близъ Воронежа. Но жаль, что была ночь и ночь черная, безлунная.

Вѣхали въ городъ. Въ немъ была еще жизнь (мы приѣхали рано вечеромъ). Добрались до семинаріи. Тамъ служили всенощную. Я, не выдавъ еще ректора, пошелъ въ церковь; пѣли канонъ; пѣвчіе прекрасно поютъ. Церковь довольно просторная; она еще соединена съ заломъ собранія и вмѣстѣ составляетъ даже большую церковь.

Ректоръ мнѣ знакомъ. Это бывшій Тульскій отецъ Варлаамъ. Спасибо ему: онъ меня принялъ по-братски. Утромъ я, не пивши чаю, собрался къ литургіи въ соборъ, гдѣ почиваетъ угодникъ Божій святитель Митрофанъ. Я вошелъ въ соборъ съ глубочайшимъ благоговѣніемъ (это Божіе посѣщеніе), остановился у самыхъ дверей и палъ на землю. Слезы полились рѣкой. Молитвами угодника Божія сердце мое чрезвычайно разгорѣлось. Я обратилъ на себя вниманіе немногихъ, сколько ихъ было въ храмъ (я былъ или до обѣдни, или послѣ). Мнѣ это было скучно.

Съ умиленіемъ я приложился къ нетлѣннымъ благоухающимъ мощамъ угодника Божія и отслужилъ молебенъ.

Обѣдню я стоялъ въ домово́й архіерейской церкви.

Служилъ архіерей ¹⁾ съ ректоромъ.

Народу много. Въ алтарь я итти не посмѣлъ; стоялъ у дверей съ православными.

Архіерей служилъ благоговѣйно. Пѣніе очень хорошо. Церковь веселая и не малая. Народу полна церковь, тѣсно; много пріѣзжихъ. Послѣ обѣдни съ отцомъ ректоромъ мы пошли къ архіерею. Приняты были довольно сухо. Преосвященный занялся съ какими-то барынями.

Мнѣ отецъ ректоръ указалъ въ залѣ преосвященнаго изображеніе святителя Митрофана въ большемъ видѣ въ полувозрастѣ. Это изображеніе написалъ передъ самымъ явленіемъ Чудотворца одинъ благочестивый живописецъ Воронежскій, которому угодникъ Божій явился во снѣ и приказалъ написать точный съ себя образъ. Живописецъ съ благоговѣніемъ исполнилъ приказаніе; написалъ именно сей образъ и скончался. Это весьма удивительно.

Передъ симъ образомъ стоитъ церковный подсвѣчникъ, и теплится лампада. Тутъ же стоитъ посохъ угодника Бо-

¹⁾ Антоній Смирницкій. Полтавецъ, постриженъ въ 1797 г., обучался въ Кіевск. акад. Въ 1815 г. намѣстникъ лавры. Съ 1826 г. былъ еписк., а съ 1832 г. Воронежскимъ архіепископ. Сконч. 1846 г. Писатель. См. словарь Геннади I, 36.

жія, витой фигуры, съ которымъ онъ и пишется на образѣ. Не знаю, съ нимъ онъ найденъ въ могилѣ или, по преданію, оставался подъ его именемъ въ архіерейской ризницѣ. Кажется, тутъ же лежала и мантия святителя.

Отпустивши гостей, архіерей позвалъ меня къ себѣ въ моленную. Маленькая комната, но вся въ иконахъ греческой живописи. Тутъ онъ меня довольно холодно спросилъ, кто я, откуда, зачѣмъ пріѣхалъ. Я кротко отвѣтилъ на все. Онъ благословилъ меня небольшимъ образкомъ на финифти святителя Митрофана (онъ у меня цѣлъ, 6 января 1844) и отпустилъ. Признаюсь, мнѣ было маленько грустно, что меня такъ отдаленно и хладно принялъ владыка. Однако, Богъ съ нимъ. Видно, мы не заслужили большаго.

Между дѣлъ я побывалъ кое-гдѣ въ Воронежѣ. Былъ въ Акатовѣ монастырѣ, принадлежавшемъ ректору. Слишкомъ бѣдный монастырь; кельи ветхія, деревянные; церкви убогія. Самъ монастырь стоитъ въ ямѣ подъ горой, въ захолустѣ въ концѣ города. Семинарія стоитъ на лучшей улицѣ, называемой Дворянскою. Огромный, кажется, трехъэтажный домъ; но для двора земли мало. Земля оканчивается дикимъ оврагомъ.

Ее строилъ какой-то Воронежскій преосвященный въ началѣ сего столѣтія на сборныя съ духовенства деньги. Однако онъ не успѣлъ окончить постройки, скончался. Послѣ него преемникъ уже не умѣлъ или не хотѣлъ дѣйствовать подобнымъ образомъ на духовенство. Тогда открылось новое образованіе и комиссія духовныхъ училищъ. Архіерей попросилъ денегъ на окончаніе семинаріи въ комиссіи. Ему отпущено кажется 180 тысячъ. Семинарія отстроена, бывъ прежде возведена до полуэтажа третьяго.

Въ тридцатыхъ годахъ императоръ Николай Павловичъ, бывши въ Воронежѣ и имѣя квартиру въ домѣ противъ семинаріи, спросилъ: «Что это за зданіе?» Ему отвѣтили: «Духовная семинарія». Государь приказалъ взять ее въ военное вѣдомство, предположивъ здѣсь помѣстить канто-

нистовъ, а семинаріи далъ право по опѣнкѣ требовать отъ военнаго начальства денегъ съ тѣмъ, чтобы семинарію выстроить на другомъ мѣстѣ.

Сказано, сдѣлано. Военное вѣдомство потребовало отъ нашего тотчасъ документовъ о томъ, чего стоитъ семинарія. За поспѣшностью ли, по оплошности ли или почему другому военному министру сообщено, что Воронежская семинарія стоитъ комиссіи духовныхъ училищъ 180 тысячъ, то-есть столько, сколько ею отпущено на окончаніе семинаріи. Министръ, узнавши отъ посланныхъ имъ для освидѣтельствованія зданія, что оно стоитъ не менѣе полумилліона, тотчасъ распорядился выдачею требуемыхъ комиссіею денегъ. Деньги получены и отосланы въ Воронежскую семинарію для постройки на сіи деньги новой семинаріи. Пошли толки, гаданія, споры. Архіерей хотѣлъ строить семинарію тамъ, ректоръ индѣ. Такъ дѣло тянулось лѣтъ пять и болѣе. Военное министерство устало напоминаніями и, увидѣвъ, что не дождется въ полстоletія конца дѣлу, просило государя отмѣнить его намѣреніе, изъяснивъ дѣло. Государь согласился; семинарія осталась на своемъ мѣстѣ. Потребовали денегъ. Семинарія отослала, сколько было прислано. Министръ не принялъ, сказавъ: «Нѣтъ, мы возвратите нашъ капиталъ съ процентами». И наши несчастные, продержавъ шесть или семь лѣтъ напрасно 180 тысячъ рублей въ семинарскомъ сундукѣ, должны были къ нимъ приложить до 50000 рублей процентовъ. Такъ насъ и учать, мѣшковь!

Когда я былъ въ Воронежѣ, еще не было требовано денегъ.

Впрочемъ семинарія не слишкомъ построена умно. Парадное крыльцо со двора; внутреннихъ коридоровъ нѣтъ; бібліотека, церковь и зала собранія — безъ нужды — въ два этажа.

Библіотека здѣсь весьма богатая (мы изъ нея, по опредѣленію Святѣйшаго Синода, скоро получимъ ¹⁾ ста три

¹⁾ Получили, и сущую дрянь: избитыя, растрепавшія, изорванныя книги, неполнаго комплекта, безъ переплетовъ, безъ начала или безъ конца (1867).

и болѣе названій книгъ. Я получилъ это свѣдѣніе отъ преосвященнаго Аѳанасія, ректора Петербургской академіи (3 января 1844 года). Здѣсь я видѣлъ собственно-ручное письмо императора Петра I къ святителю Митрофану, въ которомъ онъ извѣщаетъ сего святителя, что у него родился сынъ Петръ. Писано на четверткѣ весьма дурно. Я довольно времени полюбовался сею библіотекою. Здѣсь былъ нѣкогда ректоромъ архимандритъ Андрей, сосланный въ Вятскую семинарію за самовольную постройку для семинаріи столовой. Бѣдняжка! Онъ умеръ въ Вяткѣ чахоткой, пробывъ въ ней кажется меньше года. Однако его при мнѣ (въ 1835—1838 годахъ) еще живо и прекрасно помнили въ Вяткѣ, какъ умнаго, дѣятельнаго и попечительнаго ректора.

Соборъ, гдѣ почиваетъ угодникъ Божій, святитель Митрофанъ, имѣетъ крестообразную фигуру. Иконостасъ большой, въ ризахъ, новый, вкуса средняго между древнимъ и новѣйшимъ,—иконы греческаго письма; довольно благолѣпный. Рака угодника съ праваго бока стоитъ особенно подъ балдахиномъ.

Въ недалекомъ разстояніи къ юго-западу другая большая церковь. Это теплый соборъ; на сѣверо-западѣ архіерейскій домъ.

Теперь это все монастырь. Мѣстоположеніе въ центрѣ города, съ юга, на вершинѣ горы, къ рѣкѣ Воронежу. Гора очень высокая; мѣсто весьма красивое.

При мнѣ было богомольцевъ очень довольно, и много звати. Серебро и золото лилось рѣкой.

Я вымѣнялъ здѣсь два образа угодника Божія — живописные, лучшей работы. Я самъ выбиралъ, сравнивая ихъ съ оригиналами въ соборѣ. (Одинъ и теперь, 7 января 1844 года, со мною ¹⁾, другой отданъ въ Тулѣ одному учителю Богословскому).

¹⁾ Цѣль и донынѣ (18 января 1867).

Городъ Воронежъ большой, ибо имѣеть 40000 жителей; постройки красивыя каменныя, улицы широкія, прямыя, гостинный дворъ красивый, церкви богатыя. Мѣсто, гдѣ поставленъ монументъ Петру, я видѣлъ издалека; сдѣлать не хотѣлось. Притомъ тогда монументъ еще не былъ поставленъ.

Очень кстати монументъ Петру на открытіе мощей святителя Митрофана, потомучто тотъ хотѣлъ сего казнить за непоклоненіе идоламъ, коими украшенъ былъ дворецъ Петра!

Въ Воронежѣ я пробылъ три дня. Выѣхалъ 1 января 1835 года вечеромъ. Отецъ ректоръ просилъ меня погостить еще, но я поспѣшилъ ѣхать, потому что со мной жилъ ящикъ съ тройкой лошадей на моемъ содержаніи. Это мнѣ было не легко, а деньги уже истощались.

Обратно поѣхали мы другимъ трактомъ—на Задонскъ. Я старался приноровить пріѣхать въ Задонскъ къ обѣднѣ. Такъ и случилось. Мы пріѣхали въ Задонскъ 3 января въ 8 часовъ утра.

Я не сталъ одѣваться въ рясу,—пошелъ просто въ тулупъ и шапкѣ.

Въ церкви народу было мало. Я сталъ между столбами. Въ обѣдню подбѣгаетъ ко мнѣ женщина въ черномъ и просить благословенія. Мнѣ было это скучно и досадно. Не знаю, кто ей сказалъ, что я іеромонахъ. Она мнѣ не сказала. Послѣ она меня стала преусильно просить, чтобы я послѣ обѣдни зашелъ къ какой-то барынѣ, тоже проѣзжей, на чай. Я отказался.

Обѣдню служилъ старичекъ іеромонахъ съ іеродіакономъ. Послѣ обѣдни, по заведенному здѣсь обычаю, не разоблачаясь, отцы пошли вонъ изъ церкви къ гробницѣ приснопамятнаго епископа Тихона Задонскаго ¹⁾, здѣсь погребеннаго подъ алтаремъ.

За народомъ пошелъ и я. Что же случилось на дорогѣ?

¹⁾ Онъ прославленъ уже святымъ въ августѣ 1861 года.

Женщина, которая меня пригласила къ барынѣ, начала на весь монастырь ругать и конфузить іеромонаха или іеродіакона, шедшихъ въ облаченіи на панихиду, за то, что будто они ее толкнули дорогой (дорожка точно узкая, я по обѣимъ сторонамъ сугробы). Я ужаснулся. Она начала бросать такія злыя рѣчи, что надобно было заткнуть уши. Стала закидывать такіе намеки, будто они ее затрогиваютъ намѣренно по волокитству. Едва могъ я эту постыдную сцену вынести.

Бѣдняжки-отцы пригорюнились и смолчали. Мнѣ ихъ жаль было до слезъ.

Такъ испорчены эти бабы-странницы, весь вѣкъ блуждающія подъ видомъ богомолья по всей Россіи. Съ сего времени я принялъ себѣ за правило: не допускать близко къ себѣ ни одну такую бабу. Поговорю въ передней и раскланиваюсь.

Эта исторія исторгла у меня чувство благоговѣнія. Я былъ смущенъ во всю панихиду.

Монастырь Задонскій стоитъ на крутомъ берегу ручья или маленькой рѣчки, впадающей съ юга въ Донъ. Рѣка Донъ—въ полуверстѣ отъ монастыря. На южную сторону выстроенъ прекрасный домъ архіерейскій; не знаю, тутъ ли жилъ знаменитый архіерей Тихонъ.

Самъ же монастырь, впрочемъ, очень мизерный. Церковь очень простенькая; гробница преосвященнаго Тихона обложена серебромъ, а на верхней доскѣ изображенъ чеканною работою преосвященный во весь ростъ. Эта пещера убрана иконами изрядно.

Монастырь тянется по берегу рѣчки продолговатымъ параллелограммомъ. Странно! Архимандритъ затѣялъ преогромную колокодьню. При мнѣ уже выстроенъ былъ одинъ ея этажъ; но и онъ такъ уже высокъ, что равнялся съ церковью. А судя по основанію, видно, что колокольня будетъ по крайней мѣрѣ въ три или четыре даже этажа. Къ чему же такой колоссъ въ такомъ маленькомъ монастырѣ.

Не умно и то, что колокольня строится съ западной стороны за стѣною монастырской. Слѣдовательно, архимандритъ думаетъ прибавить монастырь и съ узкой стороны. Монастырь будетъ въ три раза длиннѣе своей ширины. Это не умно! Задонская слобода въ честь монастыря и праведника, преосвященнаго Тихона переименована въ городъ. Впрочемъ, городъ маленький и степной.

Пообѣдавши, я поѣхалъ далѣе. Тотчасъ за городомъ переѣхалъ Донъ. Признаюсь, я не могу быть равнодушенъ ко всему великому. Я смотрѣлъ на Донъ съ какимъ-то уваженіемъ и радовался, что имѣю случай это видѣть.

Мы ѣхали открытыми и, какъ мнѣ казалось, мало заселенными равнинами. Ночью пріѣхали въ Елецъ, славный мукою и крупою. Я досадовалъ, что ночь.

Городъ стоитъ по обѣимъ сторонамъ рѣки. Отъ Задонска—низкій берегъ, и жителей немного; противоположный же берегъ ужасно высокъ и холмистъ; здѣсь ужъ настоящій городъ, большой и красивый, хотя улицы тѣсны, и рядомъ съ огромными домами стоятъ хижины.

Мы ночевали у добраго и весьма забавнаго мѣщанина. Онъ насъ забавлялъ своимъ ученымъ котомъ.

На память я купилъ фунтъ елецкаго табаку. Обѣдали мы въ селѣ Орловской губерніи, которое уже граничитъ съ Тульской губерніей. Священникъ этого села знакомъ моему семинаристу. Меня попросили къ нему отобѣдать, и я былъ очень радъ.

Здѣсь я увидѣлъ молодую попадью, жену благочиннаго (кажется этого села), весьма пьяную. Ужасно было это мнѣ прискорбно. Думаю, что горемычный мужъ ея плачетъ о своемъ несчастіи не въ горсть. Женищина здоровая и отъ хмеля весьма нахальная.

Хозяинъ же—священникъ тоже весьма молодой, прекрасный и солидный, и жена его прелюбезная.

Отсюда мы поѣхали уже вечеромъ. Мой семинаристъ сталъ просить меня заѣхать въ его село. Оно влѣво отъ большой дороги.

Такъ какъ настала ночь, хотя и лунная, то я сталъ

бояться, какъ бы намъ не заблудиться въ степяхъ неизмѣримыхъ. Семинаристъ меня увѣрялъ, что не будетъ болѣе 12 или 15 верстъ отъ поворота; что ему дорога совершенно извѣстна. Я послушался.

Часа полтора мы ѣхали по дорогѣ и проѣхали два села, изъ которыхъ въ одномъ самый богатый винный заводъ какого-то генерала; потомъ въ степи мы потеряли дорогу, блуждали по неизмѣримымъ полямъ, попадали въ овраги, изъ которыхъ насилу выбирались.

Въ это время я не разъ вылѣзалъ изъ саней: набилось снѣгу мнѣ къ ногамъ; тамъ сперва онъ растаялъ, а потомъ началъ меня знобить. Я испугался, не замерзнуть бы.

Однако послѣ долгихъ блужданій мы попали на какую-то большую дорогу. Я обрадовался. Но вотъ бѣда: не знаемъ, направо ѣхать или налѣво. Мнѣ казалось—направо, семинаристу и ямщику—налѣво. Я послушался ихъ.

Опять несчастье! Дорога большая, но вѣтъ ни слѣда; поѣхали цѣликомъ.

Однако мы скоро пріѣхали въ селеніе. Я обрадовался. Семинаристъ меня завѣряетъ, что это ихъ приходъ и что до села осталось полверсты. Я не повѣрилъ. Постучались въ домъ и вызвали крестьянина. Онъ меня увѣрилъ, что семинаристъ говоритъ правду. (Этотъ крестьянинъ въ одной рубашкѣ, босой, стоялъ съ нами на крыльцѣ на вѣтру и морозѣ съ четверть часа. Почесывается, а не робѣетъ простуды. Какое благословенное здоровье!).

Точно: только мы проѣхали это селеніе и повернули направо, тотчасъ увидѣли церковь и село; я успокоился.

Семинаристъ мой—сынъ пономаря. У отца его бѣдная и весьма маленькая хижина. Они уже спали (это было полчаса за полночь). Насъ встрѣтили съ восторгомъ и благоговѣніемъ.

Этотъ пономарь весьма богатъ дѣтьми. У него 8 или 9 сыновей и одна дочь. Дочка миленькая, уже невѣста. Кроме сего у него живетъ сестра — вдова съ сыномъ, уже славнымъ дѣтиною.

Итакъ, насъ столкнулось въ маленькой черной избѣ 15 или 16 человѣкъ. Мнѣ отдали весь передній уголь и постлали перину. Прочіе бѣдняжки размѣстились: на полу, на печкѣ, на палатахъ, на прилавочкахъ. Я проснулся по утру поздно. Пришелъ священникъ и позвалъ меня къ себѣ. Мнѣ жаль было пономаря, но въ черной избѣ нельзя было оставаться во время топленья, и я пошелъ къ священнику.

У него хорошій домъ на дворянскій манеръ. Онъ имѣетъ двухъ сыновей, которые учатся въ семинаріи (въ среднемъ отдѣленіи).

Здѣсь меня приняли тоже весьма уважительно.

Въ этомъ селѣ я пробылъ три дня; въ Крещеніе служилъ и ходилъ на воду.

Былъ въ одинъ вечеръ въ сосѣднемъ селѣ у молодого священника, кажется, у моего ученика.

На другой вечеръ ѣздили въ Ефремовъ; были у отца протоіерея (нынѣ уже покойнаго) и другого священника, родственника отцу эконому семинаріи, кажется, вдоваго.

Тутъ мнѣ было больше грустно. Отецъ протоіерей любилъ пить, и вообще меня угощеніями замучили. Въ ночь на Крещеніе (или на 7-е число) я видѣлъ примѣчательный сонъ: будто меня сдѣлали ректоромъ въ Сибирь, какъ бы въ Тобольскъ или Екатеринбургъ. Помню, какъ я ѣхалъ, пріѣхалъ, издали увидѣлъ влѣво семинарію и, что весьма примѣчательно, точно такую, какова Вятская и по мѣстоположенію, и по виду. Ёхалъ будто ночью,—такъ и въ самомъ дѣлѣ случилось. Впереди будто городъ—такъ и есть.

Семинарія будто новая; семинаристы въ однѣхъ рубашкахъ по-домашнему. Я подивился безпорядкамъ и видѣлъ, что мнѣ много нужно будетъ потрудиться. Точно такъ и вышло. Въ Вяткѣ я встрѣтилъ крайніе безпорядки, какъ будетъ видно.

Я проснулся и тотчасъ подумалъ: этотъ сонъ непростъ.

Изъ сего села я поѣхалъ въ Тулу вмѣстѣ съ дѣтьми

священника (своего ямщика я отпустилъ). Тутъ гощеніе мнѣ было пріятно: поклонамъ и уваженіямъ не было конца. Я старался бывать и у отца моего семинариста. Миленькая дочка украдкою поглядывала на меня съ примѣчательнымъ участіемъ. Какъ молодость неудержима!—..... Кажется, я ей подарилъ 10 или 15 рублей ассигнаціями. Я семинариста (ея брата) просилъ, чтобы онъ позаботился выдать свою сестру прежде, нежели онъ самъ женится (онъ тогда былъ въ богословіи). Однако онъ, кажется, не сдержалъ моего совѣта. Проѣзжая въ Одессу въ 1841 году, я его видѣлъ въ Тулѣ діакономъ. Когда спросилъ о сестрѣ, онъ, кажется, сказалъ, что она двѣцею. Это жалъ!

Въ дорогѣ мы заѣхали въ одномъ селѣ завтракать. Село большое и торговое. Этотъ день былъ торговый. Наѣбнувшись въ дорогѣ, я залѣзъ на полати и сладко заснулъ. Меня разбудилъ какой-то самый дерзкій крикъ. Проснулся и вижу: за столомъ сидитъ слѣпой нищій съ вожатымъ мальчикомъ и кого-то ругаетъ наповаль. Спрашиваю семинаристовъ, кто онъ, кого и за что ругаетъ. Говорятъ, что хозяйку я ни за что. Я вслушался. Нищій потребовалъ себѣ на копейку или на двѣ щей. Ему молоденькая, очень опрятно одѣтая женщина (жена хозяинова сына) подала. «Простыли щи», заревѣлъ нищій, присоединивъ милліоны мерзкихъ ругательствъ. Женщина перемѣнила. «Жидки щи», заревѣлъ снова нищій и опять съ ругательствами. Та опять перемѣнила щи,—нищій опять нашелъ что-то и опять лаялъ злѣе собаки. Я вышелъ изъ терѣзнія, слѣзъ и началъ: «Что ты такъ дерзко шумишь? за что? ты убогій человекъ; какъ смѣешь лаяться, какъ собака? Ты обезпокоилъ проѣзжающихъ—подай свой билетъ!» Нищій сробѣлъ. Женщина залилась слезами и благодарила. Вошелъ хозяинъ. Я ему сказалъ: «Отправьте этого негоднаго въ сборную избу. Пусть дадутъ ему тамъ полсотни горячихъ, чтобы напомнить ему долгъ и его бродяжничество». Нищій стихъ. Эта исторія меня поразила тѣмъ, что я до сего разу не могъ вообразить, чтобы такіе убогіе могли быть такъ дерзновенны.

Города Ерьмова я хорошо не разглядѣлъ. Въ оба раза былъ ночью. Помню, что невеликъ городъ, почти весь деревянный, — степной; стоитъ на полускатѣ высокаго холма. Тогда онъ еще, кажется, былъ послѣ пожара.

Другой городъ — Богородскъ, еще меньше: почти одна улица; стоитъ при прудахъ. На правую руку огромный домъ барскій съ огромными садами. Сказывали, что и городъ этотъ былъ помѣстье этого господина (графъ Бобринскій). Родъ этихъ господъ будто отъ побочнаго сына Екатерины II.

Нынѣшняго господина весьма хвалятъ: кроткій, добрый и благотворительный для крестьянъ. Я самъ испыталъ его благодѣянія, ѣхавши первый разъ въ Тулу. Онъ мнѣ на одной станціи выхлопоталъ лошадей у пьянаго смотрителя станціи.

На третій день отъ выѣзда изъ села я пріѣхалъ въ Тулу. Благодарилъ Бога и угодника Божія святителя Митрофана, что сподобился исполнить свое желаніе.

Черезъ нѣсколько дней я точно получилъ изъ Петербурга (отъ отца ректора Рязанской семинаріи, нынѣ пресвященнаго Симбирскаго Θεодотія Озерова ¹⁾), бывшего тогда на чредѣ) письмо, въ коемъ меня добрый отецъ извѣщаетъ, что я опредѣленъ ректоромъ въ Вятку.

Хотя и далеко, но я радъ былъ высшей должности и чину. Я подумалъ: «Вотъ теперь мнѣ уже никто не препятствуетъ дѣлать добро, какое захочу, для семинаріи».

Скоро дождался я и предписанія. Оно пришло 14 февраля на масленицѣ.

Это было въ четвергъ ²⁾. Въ пятницу секретарь казен-

¹⁾ Скончался архіепископомъ въ Симбирскѣ, въ августѣ 1858 года. Я его хоронилъ. Онъ былъ магистръ Петерб. акад. 5 курса, ректоръ Рязанской семинаріи. 1823 г., еп. Старорусскій 1837 г., Симбирскій 1842 года.

²⁾ Примѣчательный день. Черезъ 19 лѣтъ, въ 1854 году, въ этотъ день я посвященъ во епископа (1867).

ной палаты Карпъ Григорьевичъ (изъ Тульскихъ семинаристовъ) дѣлалъ обѣдъ по случаю рожденія у него сына. Онъ меня просилъ къ себѣ. Обѣдъ былъ весьма богатый. Здѣсь я впервые услышалъ: «отецъ ректоръ!» Но отъ большой радости здѣсь же я и надурчился.

Въ субботу я у себя сдѣлалъ небогатый вечерокъ. Тутъ были профессора. Они меня поздравляли уважительно и кажется съ любовію.

Воскресенье и чистый понедѣльникъ я собирался, а во вторникъ вечеромъ 19 февраля отправился въ Вятку, въ путь, по-моему, далекій и неизвѣстный.

Разскажу еще кое-что о Тулѣ.

Въ 1834 году случилась въ епархіи исторія ¹⁾. Священникъ одного села почиталъ себя обиженнымъ отъ своего діакона. Эту рѣчь онъ завелъ, сидя у помѣщика въ этомъ селѣ за картами. Помѣщикъ, молодой человекъ изъ гвардейскихъ офицеровъ, сказалъ священнику: «Ты не умѣешь, отецъ, расправляться. Я бы по-военному. Не угодно ли, я позову діакона, и сейчасъ расправимся». Позвали діакона; тотъ пришелъ. Помѣщикъ поднесъ ему рюмку водки, потомъ попросилъ итти за собою; привелъ въ людскую. Здѣсь уже все готово: люди и плети. Діаконъ испугался. Помѣщикъ отдалъ приказъ, и бѣдняжку діакона схватили, раздѣли, положили и начали съчь безпощадно.

У помѣщика былъ другой дворянинъ. Онъ вбѣжалъ сталъ останавливать; не слушаютъ. Дворянинъ (гость), опасаясь и себѣ бѣдъ, а можетъ быть и изъ жалости, бросился на колокольню и ударилъ въ набатъ. Сбѣжались люди другихъ господъ и едва дубинами высвободили полумертваго діакона.

О семъ происшествіи донесено было преосвященному.

¹⁾ Вся эта исторія подробно изложена въ Сборникѣ императорскаго русскаго историческаго общества т. CXIII, стр. 61—79, „ревізія Тульской консисторіи“.

Преосвященный сообщил губернатору. Губернаторъ, то ли испугавшись такого необычайнаго событія, то ли въ самомъ дѣлѣ пришедши въ справедливое негодованіе, послалъ адъютанта быстро произвести слѣдствіе. Слѣдствіе произведено, и военнымъ судомъ рѣшили: помѣщика лишить дворянства и сослать въ Сибирь.

Дѣло пошло въ Петербургъ. Государь послалъ своего флигель-адъютанта для произведенія точнѣйшаго изслѣдованія.

Оказалось, что и сей производитель слѣдствія не представилъ удовлетворительныхъ объясненій. Посланъ другой. Сей сдѣлалъ повальный обыскъ о діаконѣ. Нашли, что діаконъ лѣтъ за 15 равьше сего былъ подъ судомъ по подозрѣнію о покражѣ двухъ овчинъ и колодки меду. Спросили консисторію, чѣмъ рѣшено сіе дѣло. Отвѣчали: «Покрыто Манифестомъ воцаренія Государя».

Наведена справка въ Синодъ. Что же? Оказалось, что сей діаконъ не попалъ въ реестръ прощаемыхъ, и, слѣдовательно, отвѣтъ Тульской консисторіи фальшивъ.

Дѣло все и обрушилось на консисторію. По высочайшему повелѣнію наряжено слѣдствіе, и присланъ чиновникъ оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода Алексѣй Ивановичъ Войцеховичъ ¹⁾).

Войцеховичъ просилъ себѣ комиссію изъ троихъ. Преосвященный назначилъ ректора семинаріи отца Варлаама, профессора Петра Михайловича Мерцалова и эконома архіерейскаго дома игумена Никанора.

Начали ревизовать консисторію. Оказалось: секретарь написалъ ложный указъ благочинному (о подведеніи подъ манифестъ дѣла діакона), а одинъ присутствующій протоіерей сей указъ подписалъ. Синодъ отрѣшилъ секретаря (протоіерей, по преклонности, лѣтъ за 5 прежде уволился) и предалъ уголовному суду вмѣстѣ съ подписавшимъ указъ протоіереемъ.

¹⁾ Ib., стр. 60.

Бѣдняжка! секретарь пропалъ и разстроился совершенно. У него былъ домъ тысячъ въ двадцать; онъ сгорѣлъ. И онъ сдѣлался горемычнымъ. Протоіерей, кажется, не наказанъ.

А что помѣщикъ? Его осудили: выдержать арестъ въ три мѣсяца въ Бобруйской крѣпости, а послѣ оставить подъ надзоромъ полиціи.

А что діаконъ? Его, припомнивши первое преступленіе, судили и осудили отдать въ солдаты.

Можно бы не повѣрить такой исторіи, если бы я не зналъ ее самъ насквозь съ начала и до конца. Невольно здѣсь припомнишь басню Крылова: «Морь звѣрей». Духовные точно, какъ волю, грѣшны. Но, о Боже праведный! такъ ли слѣдовало рѣшить это дѣло?

Здѣсь-то отецъ ректоръ (Варлаамъ) отличился ревностію въ изъясненіи безпорядковъ консисторіи, тѣмъ заслужилъ уваженіе Войцеховича, и вотъ онъ уже архіерей (Викарій въ Кіевѣ ¹⁾).

Лѣтомъ или весною 1834 года, проѣздомъ въ Одессу, былъ въ Тулѣ оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Синода Стефанъ Дмитріевичъ Нечаевъ. Онъ былъ у насъ въ семинаріи; обошелъ вездѣ; онъ хромъ на одну ногу.

Забавно и смѣшно! Ходя по классамъ, онъ свысока ораторствовалъ, упрекая учениковъ въ буйствѣ (передъ тѣмъ временемъ семинаристы убили женщину). Это хорошо, но смѣшны выходки оберъ-прокурора,—напримѣръ: «Вотъ здѣсь при васъ я приказываю вашимъ начальникамъ поступать съ вами, какъ съ солдатами: бить васъ палками. Не думайте о себѣ много; я васъ всѣхъ сдамъ въ солдаты. Я начальникъ всего духовенства. Мнѣ больше и ближе всѣхъ извѣстна воля государя о духовенствѣ. Я органъ государевой воли для всѣхъ васъ», и прочіе безумные и тщеславные глаголы.

¹⁾ А нынѣ архіепископъ Тобольскій (19 января 1867 года).

Примѣчательно, онъ тогда ѣхалъ съ больною женою въ Одессу. Она здѣсь умерла и 6 недѣль стояла въ монастырѣ, которымъ я нынѣ (5 марта 1844 года) управляю. Въ монастырѣ много его памяти: 1) хорошій образъ Богоматери, 2) весьма богатая парчевая риза, 3) кровать въ комнатахъ настоятеля, нѣсколько посуды и прочее.

Довольно о Тулѣ.

(Продолженіе слѣдуетъ).
